

18+

А. А. Карташов

Воин-кабан



Андрей Карташов

Воин-кабан

«Издательские решения»

Карташов А. А.

Воин-кабан / А. А. Карташов — «Издательские решения»,

Северные Земли. Суровый край, где кланы годами воюют за власть над островами, а смерть в бою — единственный путь в Небесный Лес. Но с юга приходят чужаки. Они несут не просто веру, а новый порядок. Их проповедники уже ступили на берег. Велтен — простой лесоруб. Война врывается в его жизнь, и ему приходится взять в руки топор не для рубки леса. Жестокий мир, где каждый должен сделать выбор: остаться человеком или стать зверем. Где боги не дремлют, а цена свободы — кровь.

© Карташов А. А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Чужая вера	8
Глава 2. Лесной страж	19
Глава 3. Логово	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Воин-кабан

Андрей Александрович Карташов

© Андрей Александрович Карташов, 2026

ISBN 978-5-0071-0647-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог



Северные Земли. Территория густых лесов, сурового климата и не менее суровых людей, хранимая богами. На протяжении многих лет она обеспечивала живущий на ней народ всем необходимым. Непростые условия ковали характер, воспитывая свирепых воинов, всегда готовых дать отпор любому, кто посмел бы посягнуть на их жизнь и свободу.

Райнер, бог мудрости, принявший облик ворона, обозревал с неба бесконечную череду островов. Перед его взором открывались величественные просторы Северных Земель: горы и леса, поля и луга, озёра и реки, города и деревни, а также холодные моря — всё представало во всей красе. Ничто не укрывалось от его зоркого глаза.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багряные и золотые тона. Мельком взглянув на тела павших, оставшиеся после очередной межклановой битвы, Райнер взмыл ввысь и, часто взмахивая крыльями, устремился к Небесному Лесу. Вскоре вдали, среди облаков, залитых оранжевым светом уходящего дня, показались очертания парящего острова, сплошь покрытого деревьями. В его центре возвышался огромный дуб, заметно выделявшийся на фоне остальной растительности. По мере приближения проступали всё новые детали. Чувствуя близость дома, Райнер уверенно летел к обители богов.

Достигнув Небесного Леса, бог мудрости опустил на толстую нижнюю ветку одного из дубов. Отряхнув перья после долгого пути, он призывно каркнул. Ответ не заставил себя ждать: вскоре кусты неподалёку зашевелились, ветви раздвинулись, и в просвете показалась медвежья голова. Затем зверь вышел целиком. Трогот, бог силы, в облике медведя неторопливо приблизился к дубу и встал на задние лапы. После этого он начал принимать истинный вид — всё явственнее проступали черты крепкого длинноволосого мужчины в богатой броне; левую руку он положил на навершие меча, покоящегося в искусно украшенных ножнах. Райнер тоже стал меняться. Спустя мгновение на ветке сидел уже не ворон, а седой старик в длинной чёрной мантии с капюшоном. Не спускаясь на землю, он достал из висевшей на боку кожаной сумки деревянную дощечку и принялся старательно выпцарапывать на ней руны остро заточенной железной палочкой.

— Рассказывай, что видел сегодня? — раздался низкий голос Трогота.

— Видел многое. На островах опять неспокойно. Клань грызутся за власть, воюют друг с другом, каждый норовит отхватить кусок побольше. Но люди, кажется, уже привыкли. Живут своей жизнью: работают, торгуют, создают семьи, растят детей, — хрипло ответил Райнер, невозмутимо продолжая выводить руны.

— Что ж, ничего нового ты мне не сказал. В последнее время на Северных Землях не происходит ничего интересного, — нахмурился Трогот.

— Почему же? Есть кое-что. Но сперва нужно созвать совет богов. Возможно, потом у нас появится повод устроить пир, если всё пройдёт так, как задумано.

— Ты о чём?

— О грядущих великих переменах в жизни людей. А станут они благом или бедой — теперь отчасти зависит и от нас.

— Какие ещё перемены ждут тех, кто чтит нас? И что мы должны сделать?

— Я скажу об этом на совете, когда все боги соберутся в нашем зале.

— Что же стряслось? Не припомню, чтобы ты прежде требовал общего сбора.

— Я увидел то, что способен перевернуть мир. То, что было сокрыто от нас. То, чему мы прежде не придавали значения.

— Ты уверен, что всё понял правильно? — нахмурился Трогот.

— Не забывай, кому порой приходится думать за всех. Я не только смотрел, но и слушал людские разговоры. И эти разговоры заставляют задуматься. Если я прав, промедление может стоить слишком дорого. А если ошибаюсь — пусть остальные боги увидят мою ошибку своими глазами и помогут её исправить. Но скрывать такое я не вправе.

— Люди — существа непредсказуемые. Никогда не угадаешь, что у них на уме. Стоит ли прислушиваться к ним?

— Нам нужно направить людей, и в первую очередь вождей, к верным решениям. Но решать, какими им быть, будем сообща.

— Почему ты не хочешь сказать мне прямо сейчас? — Трогот убрал ладонь с рукояти меча, испытующе глядя на старика.

— Потому что ты не раз перевирали мои слова, пересказывая их другим. А мне потом приходилось объяснять, что я имел в виду на самом деле. Это утомляет. Пусть всё услышат из первых уст.

— Хорошо, я понял. Созову всех богов, и ты поведаешь нам то, что принёс с Северных Земель.

— Вот и славно.

Глава 1. Чужая вера

— Пошёл вон отсюда! — грубый голос вырвался из толпы.

Проповедник, пришедший из Касталинии, только открыл рот, чтобы начать речь, как заметил летящий в него предмет. Он отскочил, даже не разглядев, что именно бросили, но это лишь сильнее раззадорило северян. В незваного гостя полетело всё, что попадалось под руку: палки, камни, гнилые овощи, припасённые заранее. Иные намеренно притащили на поле собраний увесистые тухлые репы и дохлую рыбу. Проповедник уклонялся, закрывался руками, но тщетно — цель достигали без труда.

Толпа разбушевалась не на шутку. Ещё немного — и чужеземца забросали бы насмерть, но тут вмешалась Элфрид. Жена Варина Одноглазого, вождя Клана Кабана, вышла в грубых штанах, заправленных в высокие сапоги, и кожаной тунике, стянутой широким ремнём. Длинные русые волосы, собранные в косу, мерно покачивались при ходьбе. Лицо её было решительным и отнюдь не дружелюбным.

Люди расступались перед ней — кто с почтением, кто с опаской. Элфрид неспешно приблизилась к полю собраний, расталкивая запоздавших зевак. В первых рядах она остановилась и властным жестом приказала толпе умолкнуть.

Крики и ругань стихли не сразу, но довольно быстро. Остались лишь перешёптывания. Элфрид обернулась и ещё раз сурово глянула на собравшихся. Воцарилась тишина, нарушаемая только отдалённым лаем собак да мерным звоном из ближайшей кузницы.

Медленно, словно испытывая терпение чужака, женщина подошла к проповеднику, покрытому синяками и ссадинами, и надменно уставилась на него. На губах застыла насмешливая ухмылка. Ростом они были почти равны, но тяжёлый взгляд северянки давил так, будто она возвышалась над касталинийцем на целую голову.

— Ты думаешь, мы этого не слышали? — властно начала она.

— Как ты смеешь так говорить со мной, женщина? — огрызнулся проповедник с заметным иноземным акцентом.

Кулак Элфрид мгновенно вонзился ему в живот. Послышался глухой стон, чужеземец согнулся.

— Ах да, совсем забыла, — с неприкрытым сарказмом продолжила она. — В ваших бреднях к тем, кто «выше», должно обращаться на «вы». Повторяю вопрос. Ты думаешь, мы всего этого не слышали?

— Чего — «всего этого»?

— Рассказов о том, что наши боги — ложные. Что твой... как его там? Единый? — она выделила это слово с откровенной издёвкой. — Что он собирается всех спасать. Что женщина — вещь. Что все люди — рабы твоего бога. И что только он — истинный. Думаешь, нам такого не говорили?

— Если слышали, то примите Единого, и он простит вас, — выпалил проповедник заученную фразу.

— Меня — за что?

— За неверие. Единый карает неверных.

— Хорошо, что наши боги не такие, — хмыкнула Элфрид. — Есть у нас, правда, Ганда, богиня безумия. Злая жена Олдриса, бога смерти. К ней как раз попадают самые мерзкие люди. Она с ними такое вытворяет — медленно режет двумя кинжалами, а то и росмахой обернётся и рвёт на части, пока те не взмолятся о пощаде. — Женщина говорила мрачно, широко раскрыв глаза, для пущей жути.

— Единый простит любого! Достаточно впустить его в себя, и...

— Я не хочу никого в себя впускать, — перебила Элфрид. — Для этого у меня муж есть.

Толпа грохнула смехом, уловив двусмысленность. Проповедник побагровел от злости.

— Ты заплатишь за такие шутки! — выкрикнул он, сжимая кулаки.

— Слушай сюда, — Элфрид будто не заметила угрозы. — Я не запрещаю тебе верить в своего Единого. И амулет свой носи, — она кивнула на висевший на его груди знак: две косые перекрещенные перекладины с глазом посередине, хитрым и всё подмечающим. — Можешь рассказывать о своём учении. Я даже не против, чтобы ты потратил у нас деньги. Тебя никто не тронет. Но...

— Вы — сборище дикарей! — не выдержал проповедник. — Молитесь непонятно кому, а Единый...

Договорить ему не дали. Рука Элфрид сама выстрелила вперёд, и увесистая оплеуха едва не свернула чужеземцу челюсть.

— Видишь вон того? — женщина указала на деревянного идола в стороне. — Хладвиг, бог войны. Знаешь, что я могу с тобой сделать?

Проповедник обернулся и увидел грубо вырезанную фигуру бородатого мужчины в шлеме с кабаньей мордой, сжимающего двухлезвийную секиру. На миг в его глазах мелькнул страх, но тут же сменился вызовом.

— Ты мне угрожаешь?

— Хладвигу такие жертвы по нраву, — усмехнулась Элфрид. — Он твои проповеди слушать не станет — быстренько Ганде подарит. Там и расскажешь, чего там от кого Единый хочет.

Проповедник не сдержался. Оскорбление, боль, унижение — всё смешалось в ярость. Он бросился на женщину с кулаками. Элфрид ждала этого. Она легко отпрянула в сторону, одновременно сгибая правую ногу и выхватывая из голенища нож. Лезвие блеснуло в свете утреннего солнца.

Чужеземец замер, глядя на острую сталь. Только сейчас до него, кажется, дошло, что он натворил. Страх сковал его, глаза заматались в поисках спасения.

— А теперь назови хоть одну причину оставить тебя в живых, — прошипела Элфрид, шагнув вперёд и направив клинок на чужеземца. Движения её выдавали опытного бойца — нож словно сам искал дорогу к врагу.

Проповедник молчал, боясь вымолвить слово. Тогда северянка точным ударом ноги в грудь опрокинула его на землю.

— Отвечай! — крикнула она, нависая над ним с ножом.

Касталиниец лежал, свернувшись клубком, и судорожно кашлял, пытаясь отдышаться. Из толпы, не сговариваясь, выскочили двое дюжих мужчин, рывком поставили его на ноги и заломили руки за спину. Худые запястья проповедника исчезли в тяжёлых ладонях северян. Остриё ножа упёрлось ему в живот. Взгляд чужеземца скользнул по лезвию и поднялся к лицу Элфрид. В её глазах читалось только одно: «Я жду».

— Я... я могу сказать другим, чтобы не приходили, — выдавил он, давясь воздухом.

— Скажешь. Обязательно. Но сперва получишь подарок. — Элфрид поднесла нож ко лбу касталинийца и быстрыми движениями начертила руну Кабана в знак насмешки. Проповедник вскрикнул, когда лезвие рассекло кожу.

— Отведите к воротам, — бросила женщина державшим его мужчинам, кивнув в сторону выхода из поселения. Те молча повели окровавленного, перепачканного пылью чужака прочь.

Элфрид вытерла нож о штанину, полюбовалась лезвием и убрала в голенище.

— Люблю ножи Клана Лисы. Всегда куют на совесть. Надо бы навестить Ортрун Рыжую, давно обещала.

Так началось утро в Клане Кабана.

— —

Велтен, лесоруб, проводил взглядом Элфрид, которая уже скрылась в толпе. Он не торопился уходить с поля собраний.

«Хорошую жену себе Варин выбрал, — подумал он. — Такая и за него, и за клан кого угодно убьёт».

Велтен зашагал в сторону портового района, в своё любимое заведение — таверну «Сломанный Меч». Мысли его невольно вернулись к тому, что только произошло. Элфрид чем-то напомнила ему мать. Её звали Бертилда. Она была воительницей — её руки и спину украшали татуировки, свидетельствовавшие о богатом боевом опыте. Мать гордилась шрамами и трофеями, оставаясь сильной женщиной, верной своим идеалам. Даже возраст не останавливал её: когда Велтен видел её в последний раз, ей шёл уже пятый десяток.

Тот день врезался в память навсегда. Вождь тогда собирал отряд для набега на деревню на территории Клана Быка. Зачем понадобилось её грабить — знали только те, кто вызвался идти. Добровольцев нашлось много. Эрнвары, наёмники с далёкого Туманного Острова, чувствуя лёгкую добычу, быстро сгруппировались перед домом вождя. Северяне тоже не остались в стороне: конный отряд построился на берегу. Среди всадников Велтен увидел и мать. Бертилда вела коня за собой, воодушевлённо шагая к кораблю. На ходу поправила трофейный меч — когда-то она забрала его у убитого ею знатного врага. Перед тем как подняться на борт, обернувшись, бросила прощальный взгляд на мужа, сына и дочь и прошагала дальше. Велтен, его старшая сестра Вилда и их отец Клос ещё долго смотрели вслед двум ладьям, уносившим воинов к чужим берегам.

Седмицу спустя на горизонте показался один из кораблей. Воины возвращались с победой. Но победа эта стоила многих жизней. Потери оказались столь велики, что второе судно пришлось только на следующий день — не хватало людей, чтобы грести. Из всех эрнваров уцелела лишь одна женщина-воин. Она медленно сошла на берег, сжимая копьё, и стеклянным взглядом обвела встречающих. Потом, как рассказывали, затребовала плату вдвое больше обычной и, получив её, несколько дней пила беспробудно, силясь забыть пережитое.

Уцелевшие выносили с корабля снаряжение погибших. На пристань вывели вереницу лошадей — хозяева их навсегда отправились пировать в Небесный Лес. Коня Бертилды Велтен узнал сразу: гнедой, с белой звездой во лбу. Мать любила его больше других. Но в седле никого не было.

— —

Туманное утро. Небо затянуто серыми облаками. Конный отряд Клана Кабана шёл в лобовую атаку.

Плохая видимость была выгодна нападавшим. Всадники мчались в быстром темпе, поднимая много шума. Бертилда, скакавшая в первых рядах, выхватила меч. Металлический лязг смешался с криками, топотом копыт и рёвом боевых рогов. Командир приказал создать иллюзию нападения огромной армии — эту тактику позаимствовали у Клана Волка. На самом деле в атаку шла только часть войска.

Сквозь пелену тумана уже проступали силуэты домов и оцетинившийся копьями строй вражеских защитников. На нужном расстоянии отряд разделился надвое. Первая стрела устремилась во врага — глухо ударилась о щит, спасший копейщика от гибели. Всадники то появлялись, то исчезали в тумане, словно призраки. Конные лучники стреляли наугад — прицелиться в такую мглу было почти невозможно.

Но туман мешал и обороняющимся. Клан Кабана пользовался неизвестностью: защитники не всегда видели летящую стрелу и не успевали прикнуться. Кто-то из них заплатил за это жизнью.

Тем временем отряд эрнваров в пешем порядке пробирался к флангу. Им, напротив, требовалась тишина. Замысел был таков: всадники отвлекают внимание, враг стягивает силы к угрожаемому участку, а наёмники заходят с ослабленного фланга и атакуют сбоку. После этого северяне присоединяются и добивают врага.

Подойдя к деревне вплотную, эрнвары не заметили ни одного вражеского воина. Дома, окутанные туманом, манили пустотой. Решив, что план сработал, наёмники прибавили шаг.

И тут из тщательно замаскированных укрытий выступили человеческие фигуры. Град стрел обрушился на нападавших. Лучники врага били наверняка, не тратя времени на прицеливание. Предводитель наёмников, шедший первым, рухнул замертво.

Клан Быка знал тактику Клана Волка. Хитрость не удалась. Запасных уловок не припасли — оставалось надеяться лишь на численное превосходство. Эрнвары сомкнули щиты и медленно двинулись вперёд, неся потери. Вражеские лучники отступали в глубь деревни, продолжая осыпая стрелами нападавших.

Добравшись до домов, наёмники встретили новую засаду. Между строениями прятались вражеские копейщики и топорники; позже подоспели мечники. Завязался ближний бой. Звон железа, крики раненых и умирающих разносились по округе. В суматохе невозможно было разобрать, где свои, где чужие.

Конный отряд услышал шум битвы и понял: что-то пошло не так. Им оставалось только ждать. На всякий случай командир приказал половине всадников спешиться.

Ряды эрнваров смешались. Малые группы сражающихся разбрелись по деревне. Лучники из числа наёмников, кое-как собравшись, решили обойти вражескую пехоту. С трудом прорвавшись на другой конец поселения, они увидели строй копейщиков Клана Быка, всё ещё стоявший лицом к коннице Клана Кабана, но задние ряды уже развернулись в их сторону. Эрнвары вскинули луки. Стрелы одна за другой полетели во врага — одни врезались в щиты, другие находили плоть, нанося страшные раны.

Колчаны быстро пустели. Рой стрел редел. Кто-то убрал лук, сменив его на топор, копье или дубину. Последняя стрела ударила в щит.

Эрнвары с воплями набросились на врага. Спешившиеся всадники, едва завидев схватку, тоже рванули в атаку. Оставшиеся в седлах продолжали стоять на месте — лезть на копья в лоб было самоубийством. Бертилда сжимала поводья, с нетерпением ожидая сигнала.

Копейщики Клана Быка отбивались с двух сторон. Число защитников таяло, но и нападавших становилось меньше. Наконец командир конницы решил, что момент настал. Всадники двинулись вперёд, ворвались во вражеские ряды и завязали бой. Военачальник рубился в первых рядах, успевая раздавать короткие приказы.

Но договорить последнее повеление ему не дали. Едва он начал команду, как двое вражеских пехотинцев приблизились с двух сторон и почти одновременно вонзили копья ему в бока. Предсмертный крик командира потонул в лязге железа. Мёртвое тело стащили с коня.

Бертилда не заметила гибели военачальника. Полностью поглощённая битвой, она лавировала между людьми — и своими, и чужими, — разя врагов направо и налево. Проскочив сквозь строй копьеносцев, она углубилась в поселение, где всё ещё кипели уличные бои.

Пришпорив коня, воительница набросилась на подвернувшегося вражеского топорника. Мощный удар мечом свалил его наземь. Перед ней возник мечник, готовый к схватке. Бертилда, не сбавляя хода, рванула к нему и ударила. Воин уклонился, но контратаковать не успел. Женщина развернула коня, снова пришпорила и нанесла второй удар, не поняв, попала или нет.

Из-за угла дома вышел мужчина в засаленной тунике и стоптанных башмаках — обычный крестьянин, каких много в Северных Землях. В правой руке он сжимал короткое копье. Увидев всадницу, сделал несколько шагов вперёд. Бертилда смотрела в другую сторону и не замечала опасности.

Крестьянин метнул копье.

Краем глаза воительница уловила стремительное движение, но было поздно. Щит не успел прикрыть грудь. Копье вошло точно — пронзило тело насквозь. Кровь хлынула из раны. Бертилда медленно сползла с коня, бездыханная, и повисла на стременах.

— —

В нос ударил густой запах пива и жареного мяса. В таверне царил привычный полумрак — несколько лучин едва освещали помещение.

— Ты опять проиграл, — раздался довольный женский голос с заметным эрнварским акцентом.

Велтен увидел рыжеволосую женщину с татуировкой на правом плече — причудливое переплетение синих изогнутых линий. Она сидела за столом спиной к выходу.

— Отыгрываться будешь? — довольно произнесла она, забирая выигранные монеты.

— Не буду, — буркнул её собеседник, поднялся и, не прощаясь, направился к двери, едва не столкнувшись с Велтеном.

Победительница проводила его взглядом и тут же спрятала деньги в поясной мешок.

— Брида! — окликнул её хозяин таверны из-за стойки. Женщина резко обернулась. — Твои ставки мою прибыль уменьшают.

— Это чем же? — искренне удивилась она.

— Ты выигрываешь деньги у людей, и они не могут потратить их у меня.

— Хорошо, — усмехнулась Брида. — Попробую потратить их сама.

Велтен знал эту женщину. Брида была той самой единственной выжившей наёмницей с Туманного Острова. И, пожалуй, больше, чем воевать, она любила пить пиво и играть в кости. Первую их встречу лесоруб помнил смутно — как и тот день, когда перебрал лишнего, — но лицо, татуировка и имя врезались в память намертво. Правда, общались они после того нечасто: в основном просто здоровались при встрече.

Брида громко выругалась на родном языке, поднялась и направилась к стойке.

— Велтен! — окликнули его из тёмного угла.

— Здравствуй, Брунс. Сейчас пиво закажу и подойду.

— Иди сюда. Я уже заказал. Твоя кружка ждёт.

— Что-то ты расщедрился.

— Пока есть возможность. Тем более ты говорил, что деньги заканчиваются.

— Заканчиваются, но...

— Всё оплачено. Пей давай. И мясо бери — баранины на двоих хватит.

Велтен присел на скамью напротив Брунса, знакомого охотника, с которым они заранее договорились встретиться. Отхлебнул из глиняной кружки большой глоток и сразу потянулся к лежавшему на деревянном блюде мясу.

— Завтра я тоже в лес выхожу, — заговорил Брунс. — Слышал, у вас главным назначили Сигберга?

— Не напоминай.

— Я к вам подсяду? — раздался голос Бриды над головой.

Мужчины кивнули. Наёмница опустилась на скамью рядом с лесорубом, поставила на стол кружку.

— О чём беседуете?

— О том, что завтра в лес выходим, — ответил Велтен.

— Это хорошо. Я тоже пойду.

— Что, не терпится голой побегать по лесу? — хмыкнул Брунс.

— Ты знаешь, зачем я это делаю.

— Знаю. С природой, говоришь, объединяешься. Странно. Ты не из этих земель, вера у тебя другая. Напомни, как там твою богиню войны зовут? Та, что на амулете.

— Агрона, — Брида коснулась пальцами небольшого оберега под одеждой. — Я много, где бывала. На Туманном Острове, к примеру, куницы водятся. У вас такие же есть. И в Данимире они по лесам бегают. Но там ещё один зверёк водится, покрупнее, соболем кличут. У вас рыси есть — и в Данимире тоже. А на моём острове рысей нет. В Касталинии я однажды была,

так там на рынке шкуры диковинных зверей видела. Одного особенно запомнила — сказывали, аж с юга привезли, где люди черные, вечно жара и пески. Зверь вроде кота, но крупный, и шерсть растёт странно: везде короткая, а на голове, шее да на конце хвоста — длинная, да ещё и другого цвета. — Брида отпила пива. — Я к чему это. Везде разные деревья, разные птицы, разные звери. Но природа от этого природой быть не перестаёт.

— Ваши шаманы так же считают?

— У нас не шаманы. Друиды. Но да, они так считают.

— А чего замуж не выйдешь? Здесь, на севере, это просто. Думаю, наш народ от вашего не сильно отличается. Да и язык ты знаешь.

— Была уже замужем, — Брида отвела взгляд. — Не буду рассказывать, почему семья разрушилась. С тех пор и странствую по свету, воюю за тех, кто платит.

— —

Троица просидела в таверне долго, неторопливо распивая пиво и закусывая мясом.

— Ладно, пойдём проветримся, — предложил Велтен. — Душно здесь.

Компания поднялась и направилась к выходу. Велтен с Брунсом вышли первыми, Брида задержалась у стойки — что-то заказала — и догнала их уже у двери.

Они обогнули таверну, выходя к морю, и тут со стороны пристани донёсся протяжный рёв боевого рога.

Корабль приближался к причалу. Парус уже убрали, гребцы ловко разворачивали судно, подводя его бортом к деревянному настилу. На носу стоял Варин Одноглазый в знатной броне. Воины на борту перебрасывали на берег верёвки с железными крючьями; люди на пристани ловили их и натягивали, закрепляя за столбы. Когда корабль пришвартовался, сбросили деревянный мостик. Вождь сошёл на берег первым, следом — охрана. Лицо его было хмурым, движения — усталыми.

— Не нравится мне это, — тихо сказала Брида.

— Мне тоже, — отозвался Брунс.

— Наверное, из-за единобожников, — предположил Велтен. В последнее время только о них и говорили.

— Видала я этих единобожников, — отозвалась наёмница. — Они не только веру навязать хотят, но и жизнь свою.

— Как они живут?

— Внутрь зайдём — расскажу.

Они вернулись в таверну и сразу направились к стойке. Заказав выпивку и расплатившись, уселись на прежние места. Вскоре хозяин принёс блюдо с жареной свиной — Брида махнула рукой, подтверждая, что угощает.

— Вот скажите мне, — наёмница пристально уставилась на мясо, будто ища в нём ответы на важные вопросы, — вы как часто можете есть мясо?

— Да хоть каждый день, — удивился Брунс, пережёвывая кусок.

— А у них — нет. Многие простолюдины его не едят. Недоступно оно им. И ещё, Брунс. Ты когда женился, это как было?

— Ну как... Познакомились, пообщались, встречались какое-то время. Потом обряд провели — и живём, дочь растим. Ты странные вопросы задаёшь.

— Они не странные. Вы сами решение приняли? Оба?

— Ну да, оба.

— В Касталинии не так. Там семьи создают с теми, с кем велят. Выбора у людей нет. Часто они даже деревню свою покинуть не могут — всю жизнь живут там, где родились. А знать и вовсе женит детей только по расчёту. Бывает, женщина только на свадьбе узнаёт, как выглядит её жених. И он, кстати, тоже. Особенно дочери королей. Выходят за незнакомцев, потому что отцу что-то от того жениха нужно. А с кем дочери жить — его не волнует.

— У нас бы тому, кто до такого додумался, мигом топор в голову всадили, — Брунс даже жевать перестал от возмущения.

— Согласна. Так и надо. Дальше слушай. Твой отец, ты рассказывал, воином был. Почему он им стал?

— Пришёл к нужному человеку и сказал, что хочет воевать. Армия у нас — дело добровольное. Захотел — пошёл, не захотел — не пошёл.

— А там иначе. Могут заставить. У них закон такой: каждый мужчина обязан служить в армии. Не помню, сколько лет.

— Бред какой-то. Боюсь представить, что у них ещё творится.

— Король у них считается ставленником Единого. Проповедники постоянно об этом твердят, восхваляют его, говорят, что власть короля — священна.

— Чего? — не выдержал Велтен. — Не высоко ли забрался?

— Сама удивилась. Но у них так заведено. С детства учат подчинению: любая власть — от Единого. Всё, что происходит, — по его воле. Случилось худое — значит, так богу надо, терпи и радуйся.

— Ладно, хватит об этом, — поморщился Велтен. — Понял я: добра от них не жди. Давайте лучше о хорошем. Сегодня сюда бард обещал зайти, Радульф, из Клана Филина. Хочется песен послушать.

— —

Дверь таверны скрипнула, пропуская человека в чёрном. В руках он бережно нёс лиру. Посетители встретили его одобрительными возгласами.

Радульф поприветствовал присутствующих и направился к стойке.

— Пива и вяленой козлятины, — бросил он, выкладывая монеты.

Хозяин мигом исполнил заказ: присутствие барда из другого клана сулило хорошую прибыль — на выступление соберётся много народу, а значит, заказов прибавится.

Бард быстро перекусил, взял свободный стул и устроился в углу. Положил лиру на колено, провёл по струнам — переливчатая мелодия разлилась по заведению. Радульф остался доволен звуком и, не торопясь начинать, оглядел посетителей. Ждал, когда подтянется побольше народу.

Люди сдвигали столы, расставляли заказанную еду, занимали свободные места. Таверна понемногу напоминала пиршественный зал — многие там не бывали, но представляли, как должно быть. Стол Велтена, Бриды и Брунса остался нетронутым, чему компания обрадовалась: никто чужой не помешает.

Наконец, когда приготовления закончились, Радульф поднялся.

— Приветствую вас, жители Клана Кабана! — голос его звучал бодро. — Снова я здесь, в этом славном месте, в таверне «Сломанный Меч». Погощу у вас несколько дней, так что успеете ещё песен послушать. А сейчас — начнём!

Пальцы барда коснулись струн, и полилась знакомая мелодия. Слова песни слушатели знали наизусть — в ней рассказывалось об одном из чертогов Подземного Леса, где обитает Олдрис, бог смерти.

Вокруг лишь мрак. Повсюду кровь.

Большое зло приходит вновь.

Бог смерти снова всех собрал.

Властитель Тьмы, твой час настал!

Низкий голос певца, его умение придавать интонациям пугающую глубину завораживали. Слушатели словно воочию видели мрачные чертоги. Следом зазвучала песня о бродячем торговце, что решил ночью сократить путь через вымершую от чумы деревню, где хозяйничали заложники покойники.

Не думал торговец, что рядом угроза,

*И ночью в деревню ту лучше не лезть.
Там сгинуть бесследно легко вместе с возом
Он может. Любой будет рад его съесть.*

Велтен слушал заворожённо. Радульф был редким гостем в этих краях, и его песни звучали совсем иначе, чем у местных певцов. Те тоже играли, но души в них не было — не хватало той самой щемящей ноты, что рождается только в Клане Филина.

Одна песня сменяла другую. Бард играл о людях, сгинувших в трясине и ставших рабами Владычицы Болота, о мертвецах, что охотятся по ночам на живых, о жестокой правительнице, которой всегда мало власти.

*Как ночь наступит, она вновь своих рабов
Толпой отправит на жестокую охоту.
Кого поймать сумеет свора мертвецов,
Тому и быть слугой владычицы болота.
И вдруг музыка переменялась.*

Радульф заиграл медленно, на низких, тревожных нотах. Лицо его сделалось напряжённым, почти испуганным. В зале повисла тишина, какой не было прежде.

Он запел о страшном. О войне, что идёт с юга. О людях в чёрных одеяниях, что несут не веру — гибель. О насильственном обращении в единобожие, о казнях несогласных, о вереницах рабов, угоняемых в чужие земли, о городах и деревнях, преданных огню.

*Не будет больше жизни, что когда-то
Дарила нам свободу и покой.
Всё то, что мы любили, будет смято
Жестоким и убийственной войной,
Коль мы не отстоим все наши земли
И не дадим противнику отпор.
Враг близко. Злоба в нём давно не дремлет.
И вынес он уже нам приговор.*

Последние ноты замерли, и в таверне стало тихо.
Радульф поднялся.

— На сегодня всё, — голос его звучал устало. — Я ещё побуду в вашем клане, так что успеете послушать. Приводите друзей. А сейчас мне нужно отдохнуть.

Его тут же обступили: кто-то протягивал монеты, кто-то — кружку пива. Просто так уйти барду не дали.

Велтен, Брида и Брунс переглянулись. Лесоруб кивнул на дверь, предлагая выйти наружу. Солнце уже садилось, заливая небо оранжевым.

— Ну и как вам новая песня? — спросила Брида.

— Радульф превзошёл себя, — тихо ответил Брунс. — Похоже, эти единобожники страшнее всех троллей и оборотней будут.

— —

Со стороны поля собраний донёсся знакомый грохот барабанов.

Вождь Клана Кабана созывал народ. Видимо, хотел сказать что-то важное — настолько важное, что не стал откладывать до утра.

Велтен, Брида и Брунс переглянулись и, не сговариваясь, зашагали на звук.

Узкие улочки заполнялись людьми. Все двигались в одном направлении — к полю, где обычно вершились суды, объявлялись войны и оглашались решения вождей. Если Варин решил обратиться к клану сразу по возвращении, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

Барабанный бой становился всё громче. Ритм был ровным, без сбоев — били опытные руки.

Когда троица выбралась на поле собраний, там уже собралась изрядная толпа. В центре, сменив дорожную броню на богатую одежду, стоял Варин Одноглазый. По краям поля горели факелы, отбрасывая пляшущие тени на лица собравшихся. Трое мужчин и одна женщина мерно били в барабаны, продолжая собирать запоздавших.

Народ всё прибывал. Варин окинул толпу единственным глазом и поднял руку.

Барабаны умолкли.

— Доброго здоровья всем, — голос вождя прокатился над притихшей толпой. — Я собрал вас не для пустых разговоров. То, что скажу, можете принимать как угодно, но это изменит вашу жизнь. Я только что с совета вождей. У Рабана Длиннобородого, в Клане Ворона, говорили о самом важном.

Он сделал паузу, давая людям осмыслить услышанное. Перешёптывания пробежали по рядам, но быстро стихли — все ждали продолжения.

— Вы все видели чужаков в чёрном со странными амулетами, — продолжил Варин. — Тех, кто зовёт себя проповедниками Единого. Они приходят с юга, из Касталинии, и несут не просто новую веру. Они несут иной порядок. Порядок, при котором женщина становится вещью, мужчина — рабом на службе у короля, а любой, кто не принимает их бога, подлежит смерти или изгнанию.

Кто-то в толпе выкрикнул ругательство, другие загудели.

— Я знаю, — кивнул Варин. — Многие из вас уже встречались с ними. Моя жена сегодня утром разговаривала с одним таким. Разговаривала по-свойски. — В уголках губ вождя мелькнула тень усмешки, но тут же исчезла. — Но дело не в одном проповеднике. Дело в том, что их становится больше. Они проникают в наши земли, мутят воду, сбивают людей с толку. И если мы ничего не сделаем, скоро нам придётся выбирать: принять их бога или погибнуть.

Толпа зароптала громче. Велтен почувствовал, как стоящий рядом Брунс сжал кулаки.

— —

Длинный прямоугольный стол в центре просторного зала тонул в полумраке. Факелы на стенах горели тускло, и лица сидящих то выступали из темноты, то снова прятались в тени.

На одной скамье теснились четверо. Перед каждым стояла дубовая кружка с мёдом — всего одна. При решении важных вопросов больше не полагалось.

Рабан Длиннобородый, вождь Клана Ворона, восседал отдельно от остальных, напротив четверых собеседников. Он отхлебнул из своей кружки, неторопливо поставил её на стол и поднялся.

— Приветствую вас, — голос его звучал ровно, без лишней гордости. — Я потратил немало времени, чтобы наконец собрать всех вместе. Очень надеюсь, что сегодня мы решим всё, о чём говорить давно пора, и не придётся возвращаться к этим разговорам снова.

— Надеюсь, вопрос того стоит, — подал голос Бернд Отважный, вождь Клана Медведя. В его тоне сквозило высокомерие — он явно давал понять, что пустые разговоры не стоят его времени.

— Если бы не стоил, я бы не стал тратить ни своё, ни ваше время, — спокойно парировал Рабан. — Вы все видели людей в чёрных одеяниях. Со странными амулетами. С речами о Едином. То, что они нам навязывают, нельзя допустить. Некоторые из наших людей уже начинают прислушиваться к ним. А если единобожие пустит корни — начнётся резня. Мы перережем друг друга быстрее, чем любой враг с юга.

— И что ты предлагаешь? — Хродалф Хищник, вождь Клана Волка, подался вперёд, опираясь локтями о стол.

— Для начала — прекратить грызню между собой. Я знаю, вы воюете с другими кланами. Это даже объединяет — против общего врага. Но ваше взаимное противостояние видно. И я не верю в союзы, скреплённые только ненавистью к кому-то третьему. Они всегда недолгие.

Он перевёл взгляд на Бернда.

— А ты, Бернд, постоянно пытаешься доказать Варину, что делаешь для войны больше, чем он. Хотя разницы я, признаться, не вижу.

— Ты вообще ни с кем не воюешь, — огрызнулся Бернд. — С каких пор ты стал судьёй в военных делах?

— Слухи разносятся быстро, — усмехнулся Рабан. — Остров не такой уж большой. Ты человек гордый, хочешь, чтобы тебя замечали. Это не плохо. Плохо, когда гордость превращается в обесценивание других. Выделяться нужно успехами, а не принижением соседей.

— Он прав, — неожиданно подал голос Варин Одноглазый, вождь Клана Кабана. — Я поддержал тебя, когда ты войну Клану Орла объявил. Ко мне Арвид Лысый приходил, помощи просил. А я отказал. Встал на твою сторону. Хотя мог бы и не вмешиваться. Может, оно было бы разумнее.

— Варин, ты знаешь Арвида, — Бернд сдержал раздражение. — Он ненадёжен. Поддержать его было бы ошибкой. Я сам ждал от него удара.

— Его два клана поддержали, — напомнил Варин. — Хорошо, что Ортрун Рыжая решила не вмешиваться. Мы и так людей теряем. А ты всё кому-то что-то доказываешь.

— Вы знаете, почему Ортрун отказалась, — вмешалась Латгард Дикая, вождь Клана Рыси, единственная женщина среди собравшихся. — И Рабан прав: хватит состязаться.

— Я хочу предложить большее, — Рабан выдержал паузу. — Давно пора создать союз кланов. Хотя бы тех, кто сейчас здесь сидит. Вы все знаете об угрозе с юга. Единобожники не остановятся на проповедях. Рано или поздно они придут с мечом.

— Ты понимаешь, что тогда и тебе придётся воевать вместе с нами? — Хродалф прищурился. — Латгард, тебя это тоже касается.

— Знаю, — кивнул Рабан. — Потому и предлагаю.

— Хродалф, если ты думаешь, что я откажусь, — Латгард усмехнулась, — то ошибаешься. Я — за.

— Есть возражения? — Рабан обвёл взглядом собравшихся.

— Нет, — первым отозвался Хродалф.

— Я согласен, — кивнул Варин.

— И я, — нехотя процедил Бернд. — Но если уж союз, то нужен верховный вождь.

— Верно, — Рабан словно ждал этого вопроса. — Союзом кто-то должен управлять. Лучшие, если это будет один из нас.

— Давайте тебя выберем, — предложила Латгард.

— Я бы рад, но для меня это слишком большая ответственность. Могу не справиться, — Рабан покачал головой.

— Ты смог собрать вождей, предложил дело, но считаешь, что не справишься? — удивилась Латгард.

— Управлять одним кланом проще, чем пятью. Поэтому я предлагаю Бернда.

— Это почему же? — брови Латгард поползли вверх.

— Он сумел объединить против врага три клана. Да, война — не лучший повод для союза, но она стала первым шагом. Бернд доказал, что умеет вести других за собой. Я голосую за него.

— Я тоже, — поддержал Хродалф.

— И я, — отозвался Варин, хоть в голосе его и чувствовалась некоторая натянутость. Латгард вздохнула:

— Что ж, спорить бессмысленно. Поддерживаю. Бернд, скажешь что-нибудь?

Бернд Отважный медленно поднялся, расправил плечи. Глаза его блеснули торжеством, но он сдержал улыбку.

— *Я не подведу. Клан Медведя объединит Северные Земли.* — Он говорил громко, и чувствовалось, как ему нравится собственная речь.

— *Поменьше красивых слов, Бернд, — осадил его Рабан. — Власть — это не только почёт. Это ответственность. Если жизнь у людей станет хуже, виноватым назначат тебя. Не забывай об этом.*

Бернд помрачнел, но спорить не стал. Медленно опустился на скамью.

— *Тогда слушайте мой первый приказ...*

— —

— Нам приказано сделать нового идола Хладвига, — голос Варина Одноглазого вновь прокатился над притихшей толпой. — Большого идола. Будем строить общее капище — такое, какого нигде ещё не было. На нём будут все боги. Чтобы каждый, кто придёт, видел: мы едины.

Он перевёл дух и продолжил:

— Для этого нужно дерево. Крепкое, высокое, достойное богов. Охотники и лесорубы пойдут вместе. Завтра с утра выступаете к Кровавому Озеру. Там лагерь, оттуда пойдёте в лес. Найдёте подходящий ствол — срубите и привезёте сюда. Всё остальное обсудите со старшими.

Варин обвёл толпу тяжёлым взглядом единственного глаза, словно проверяя, все ли поняли важность сказанного. Потом развернулся и, не добавив больше ни слова, зашагал прочь. Охрана последовала за ним, бесшумными тенями скользнув в темноту.

Толпа взорвалась гулом.

Глава 2. Лесной страж

Раннее утро только начинало окрашивать небо в бледно-розовые тона, когда телеги с охотниками и лесорубами покинули город. Колёса мерно поскрипывали, лошади фыркали, нетерпеливо перебирая ногами, — животные тоже чувствовали приближение долгого дня.

Велтен сидел на скамье, вцепившись в борт телеги, и чувствовал себя прескверно. Вчерашнее пиво тяжёлым грузом ворочалось в голове, каждое движение отзывалось глухой болью в висках. Брида, разместившаяся напротив, выглядела немногим лучше — бледная, с тёмными кругами под глазами, она то и дело морщилась, когда телегу особенно сильно встряхивало на ухабах. Тем не менее наёмница сумела найти подход к старшему лесорубу. Велтен не слышал, о чём они говорили, но видел, как Сигберт небрежным жестом одобрил её присутствие. Похоже, женщина с копьём и боевым опытом за плечами не вызвала у него вопросов.

Брунс, напротив, вёл себя на удивление бодро. Пиво на него словно не действовало — или же он просто умел держать себя в руках лучше других. Охотник оживлённо переговаривался с товарищами, то и дело поглядывая на лес, к которому они приближались.

Лошади ускорили шаг, когда дорога стала ровнее. Телеги покачивало мерно, почти убаюкивающе, но Велтен не мог расслабиться. Время тянулось мучительно долго. Многие в группе хотели поскорее добраться до лагеря и приступить к работе, чтобы потом быстрее вернуться обратно. Люди переговаривались вполголоса, обсуждая кто предстоящую работу, кто вчерашние события.

Сигберт сидел в той же повозке, что и лесорубы, и его высокомерие чувствовалось даже в том, как он держал спину. Он не удостаивал подчинённых разговорами, лишь изредка бросал короткие замечания, которые больше походили на приказы. Велтен покосился на него и мысленно вздохнул. Единственный человек, с которым ему совсем не хотелось работать, оказался здесь главным.

Когда повозки въехали в лес, разговоры стихли сами собой. Бесконечные ряды сосен обступали дорогу с обеих сторон, их тёмные силуэты таили в себе множество загадок и опасностей. Даже лошади, казалось, притихли, лишь изредка всхрапывая. Время потянулось ещё медленнее, каждый шаг теперь отсчитывался с особой тщательностью.

Телега, шедшая впереди, внезапно остановилась, вынудив вторую замереть на месте. Возница первой повозки привстал, вглядываясь вперёд, и вдруг резко указал рукой в сторону обочины.

— Смотрите! — голос его дрогнул. — Там...

— —

Проповедника грубо вышвырнули за ворота. Он едва устоял на ногах, когда тяжёлые створки с грохотом захлопнулись за спиной. Несколько мгновений он стоял, тяжело дыша, прижимая ладонь к саднящей скуле, потом сплюнул кровью в пыль.

В предместьях показываться нельзя — там наверняка уже знают о случившемся. Если в городе его едва не убили, то что сделают те, кто живёт за стенами, даже думать не хотелось. Оставалась только одна дорога — через лес. Дальше, к следующим поселениям, где ещё не слышали о проповеднике, несущем слово Единого.

Он зашагал прочь от ворот, стараясь не оглядываться. Нога болела после падения, каждый шаг отдавался тупой болью в колене. Дорога вела через сосновый бор — ровная, укатанная, но казавшаяся бесконечной.

Солнце поднялось уже высоко, когда он впервые остановился перевести дух. Прислонился спиной к шершавому стволу, прикрыл глаза. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Только где-то далеко стучал дятел да ветер шелестел в кронах.

Проповедник двинулся дальше. Тропа виляла между деревьями, то поднимаясь на пригорки, то опускаясь в низины. Несколько раз он спотыкался о корни, один раз упал, больно ударившись локтем. Поднялся, отряхнул мантию и пошёл снова.

Внезапно с ветки старой сосны прямо над ним раздалось громкое карканье. Проповедник поднял голову — на суку сидел ворон, чёрный, крупный, и смотрел на него в упор немигающим глазом. Что-то было в этом взгляде такое, от чего по спине пробежал холодок.

— Глупая птица, — буркнул проповедник, отгоняя неприятное чувство. — Скоро все ваши Северные Земли очистим. Истинную веру принесём.

Ворон каркнул снова — громче, резче, словно в ответ. Перепрыгнул на ветку повыше. Проповедник нагнулся, поднял валявшуюся под ногами гнилую палку и швырнул в птицу. Палка пролетела мимо, ударилась о ствол и упала в кусты. Ворон даже не шелохнулся, только переступил с лапы на лапу и каркнул в третий раз — теперь это походило на явную угрозу.

— Тьфу ты, — проповедник махнул рукой и зашагал дальше, стараясь не думать о странной птице.

Вскоре он услышал шум воды. Где-то поблизости журчал ручей или небольшая речка. Проповедник прибавил шагу — в горле пересохло, лицо саднило от пота и пыли, хотелось умыться. Он свернул с дороги, продираясь сквозь кусты. Ветки хлестали по щекам, цеплялись за одежду, но он упрямо лез вперёд, на звук.

Заросли расступились, и он вышел на берег. Река оказалась неширокой, с прозрачной водой, сквозь которую просвечивало песчаное дно. Течение было медленным, ленивым. Идеальное место, чтобы отдохнуть.

Проповедник огляделся — ни души. Тогда он принялся стаскивать с себя мантию, оставшись в одном исподнем. Осторожно ступил в воду, вздрогнул от холода, но зашёл по пояс, присел, зачерпнул воду ладонями и умыл лицо. Прохлада освежила, смыла усталость и страх. Он прикрыл глаза и начал шептать молитву на родном языке — слова благодарности Единому за то, что тот хранит его в этих диких землях.

Что-то скользнуло рядом. Проповедник открыл глаза и замер. Мимо него, в каких-то двух локтях, проплыла женщина. Она лежала под водой совершенно неподвижно, вытянувшись струной — руки вдоль тела, ноги вместе, длинные волосы тянулись следом, словно водоросли. Её несло течением, и она не делала ни малейшего усилия, чтобы плыть или хотя бы дышать.

Проповедник хотел закричать, но голос пропал. Женщина проплыла мимо, и на одно мгновение он увидел её лицо, повернутое к нему. Глаза были открыты. Белые, без зрачков, без единого проблеска жизни. И в то же время они смотрели — смотрели прямо в душу, выворачивая наизнанку все тайные мысли, все страхи, все грехи, о которых он сам старался не вспоминать.

Течение унесло её дальше, и она скрылась за поворотом реки.

Проповедник стоял по пояс в воде, мелко дрожа, и не мог пошевелиться. Потом часто-часто заморгал, потряс головой. Померещилось. Конечно, померещилось. От усталости, от голода, от всего, что случилось в этом проклятом городе. Надо просто выпить воды и уходить.

Он зачерпнул пригоршню, сделал глоток — и тут же выплюнул. Вода показалась затхлой, отдавала тиной, хотя только что была чистой и прозрачной.

Проповедник спешно выбрался на берег. Стоя спиной к реке, натягивал мантию дрожащими руками и всё время чувствовал взгляд — чей-то тяжёлый, неотступный взгляд из-за спины. Он резко обернулся. Никого. Те же деревья, те же кусты, та же река. Но теперь она казалась тёмной, глубокой, тающей неведомую угрозу.

Он схватил заплечный мешок и зашагал прочь от берега, решив не возвращаться на дорогу тем же путём, а выйти напрямую через лес. Пройдёт немного — и снова выйдет к тракту: лес не бесконечный.

Он шёл долго, то и дело оглядываясь. Лес стоял плотной стеной, солнце пробивалось сквозь кроны редкими лучами. Вдруг впереди снова блеснула вода. Проповедник остановился как вкопанный. Перед ним опять была река. Та же самая. Он узнал и этот поворот, и выступающий из воды корень, и куст ивы на противоположном берегу.

— Как? — прошептал он. — Я же шёл...

Он развернулся и почти побежал в другую сторону, теперь уже тщательно выбирая направление, стараясь держаться подальше от воды. Продирался сквозь заросли, царапал руки о ветки, спотыкался, но упрямо шёл вперёд. И снова вышел к реке.

На этот раз страх ударил по-настоящему. Холодный, липкий, он поднялся изнутри, сжимая горло. Проповедник заметался по берегу, как загнанный зверь. Бросался то в одну сторону, то в другую — и каждый раз через некоторое время деревья расступались, открывая всё ту же реку.

— Единый, спаси, — зашептал он, сжимая амулет. — Единый, выведи меня отсюда...

Он побежал наугад, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, оставляя кровавые царапины. Он падал, поднимался и снова бежал, пока не выдохся окончательно.

Остановился, согнувшись, упёршись ладонями в колени. Поднял голову.

Река была здесь. Тихо журчала, перекатываясь через камни, и в её журчании теперь слышались насмешливые нотки.

Заросли на противоположном берегу шевельнулись. Проповедник замер, глядя туда. Из тростника поднялась фигура. Женица. Та самая. Мокрая, бледная, с длинными волосами, в которых запутались водоросли. Хранительница вод. Существо шагнуло в воду, вынырнуло где-то на середине и двинулось к нему. Оно стояло по колено в воде и смотрело на него — всё теми же белыми, пустыми глазами.

— Нет... — выдохнул проповедник, пятась назад. — Нечисть...

— Ты зачем пришёл? — спросила она.

Голос звучал ровно, без единой эмоции. Слова падали тяжёлыми камнями.

— Я... я уйду! — проповедник попятился быстрее. — Я не хотел...

— Уходил и возвращался, — так же ровно произнесла тварь и шагнула вперёд. — Зачем возвращался?

— Я дорогу ищу! Я просто хочу выйти из леса!

— Дорога там, — хранительница вод махнула рукой куда-то в сторону. — Но ты всё равно к реке приходишь. Потому что река тебя зовёт.

— Не зовёт она меня! — выкрикнул проповедник, чувствуя, как паника застилает разум.

— Зовёт. Ты умылся, воды попил, а даров не оставил. Нельзя так.

— Даров? Каких даров? У меня нет ничего!

— Есть. — Женица шагнула ближе. — На шее у тебя.

Проповедник инстинктивно прикрыл амулет ладонью.

— Это моё! Это символ веры! Не отдам!

— Тогда сама возьми.

Она рванулась вперёд с неожиданной скоростью. Проповедник отпрыгнул, развернулся и бросился бежать, зажав амулет в кулаке. Сзади слышался плеск воды и голос, повторяющий: «Отдай... отдай...»

Он бежал, не разбирая дороги, пока голос не стих вдалеке. Потом ещё долго петлял между деревьями, пока окончательно не выбился из сил. Рухнул на колени, ловя ртом воздух. Солнце к тому времени уже сменило цвет с жёлтого на оранжевый — день клонился к вечеру.

Теперь он потерялся окончательно. Вокруг был только лес — тёмный, враждебный, полный шорохов и звуков. То волчий вой доносился откуда-то издалека, то трещали ветки под чьими-то тяжёлыми шагами. Проповедник вставал и шёл наугад, сжимая в руке найденную по дороге увесистую палку. Молился без остановки, шептал слова, но они не приносили утешения.

Лес вокруг словно жил своей жизнью. Тени удлинялись, изгибались, превращаясь в чудовищ. Каждый куст таил опасность. А над головой то и дело каркал ворон — то ли тот самый, то ли другой. Проповедник перестал обращать на него внимание.

Когда уже почти стемнело, он вдруг увидел впереди просвет. Дорога! Проповедник рванул вперёд, забыв про усталость.

До спасительного тракта оставалось всего несколько шагов, когда справа послышался шорох. Касталиниец повернул голову и замер. Из-за деревьев выступила фигура. Человеческая, но какая-то неправильная. Слишком худая, слишком бледная. Местами сквозь кожу проглядывали кости. Руки были вытянуты вперёд, словно для объятия.

— Тебе тоже амулет нужен? — крикнул проповедник, поднимая палку. — Не отдам!

Существо не ответило. Оно двинулось к нему, чуть покачиваясь на ходу. Проповедник размахнулся и со всей силы ударил палкой по голове. Удар пришёлся в висок, существо рухнуло на землю и замерло.

Проповедник перевёл дух, уже собираясь бежать дальше, но тут лежащее тело зашевелилось. Оно поднялось медленно, неестественно выворачивая суставы. А потом задрало голову и издало вопль — высокий, пронзительный, пробирающий до костей. Из леса донеслось сразу несколько ответных криков. Проповедник заметался, но было поздно. Из темноты выступили ещё четверо таких же существ. Они окружили его плотным кольцом, скаля жёлтые зубы.

— Единый, защити... — прошептал проповедник, сжимая амулет.

Твари бросились разом. Крик оборвался быстро.

— —

— Что там? — Сигберт привстал, вглядываясь в утренний полумрак.

Сначала Велтен увидел только тёмное пятно у корней старой сосны. А потом оно обрело очертания — слишком знакомые, слишком страшные, чтобы спутать с чем-то другим.

Это была голова. Она лежала отдельно от тела, на самом краю тропы, и даже с десятка шагов было видно, что лицо искажено гримасой такого ужаса, какой редко встретишь у живых. Длинный тёмный след тянулся от головы вглубь леса, теряясь в зарослях папоротника. Но не это заставило Велтена судорожно схватиться за свой оберег — медную голову кабана, висевшую на шее. На лбу мёртвого чётко читались глубокие порезы, уже успевшие заплыть запёкшейся кровью. Руна Кабана. Та самая, которую Элфрид начертала проповеднику вчера утром. Велтен спрыгнул с телеги, не дожидаясь команды. Подошёл ближе, вглядываясь в мёртвое лицо. Да, сомнений не было. Тот самый проповедник. Только теперь он вряд ли сможет кому-то проповедовать.

— Варину много раз говорили, — глухо произнёс Велтен, не оборачиваясь, — чтобы не вешал людей в лесу. Колдуны находят трупы, а потом их оживляют. А они жрать живых только рады. Этого, может, и не жалко. Но висельники и до нас могут добраться.

Сзади послышался шорох, и мимо Велтена проскочил Брунс. Охотник, не дожидаясь ничьих разрешений, спрыгнул с телеги и быстрым шагом направился в ту сторону, откуда тянулся кровавый след.

— Брунс, ты куда?! — крикнул кто-то из лесорубов.

— Стой, дурак! — подхватил другой. — Там же...

Но Брунс их будто не слышал. Он скрылся в кустах, и несколько мгновений ничего не было слышно, кроме треска веток под его ногами. Потом всё стихло.

— Совсем рехнулся, — проворчал Сигберт, но с места не двинулся.

Прошло немного времени. Велтен уже подумывал пойти следом, когда кусты зашевелились и из них показалась довольная физиономия Брунса. В одной руке он держал окровавленный заплечный мешок и поясную сумку, в другой — амулет на цепочке. Тот самый, с двумя перекрещенными перекладинами и глазом посередине. Удивительно, но на металле не было ни капли крови.

— Смотрите! — радостно объявил Брунс, поднимая трофей повыше, чтобы все могли видеть. — Оберег свой обронил! Продам!

— Что в мешке? — нахмурился Сигберт.

— А сейчас узнаем. Что-то тяжёлое.

— В телегу давай! — прикрикнул возница, оглядываясь на лес.

Брунс ловко запрыгнул обратно, и колёса снова зашкрипели, увозя людей прочь от страшной находки. Охотник тут же принялся развязывать заплечный мешок. Внутри, завернутая в кусок плотной ткани, оказалась книга. Северяне оживились, обступили Брунса, разглядывая невиданную диковинку. Кто-то переворачивал её, силясь понять, где начало, где конец. Но буквы были чужими, незнакомыми, и смысл написанного ускользал.

— Отдай книгу Клану Ворона, — посоветовал Велтен, глядя, как Брунс вертит находку в руках. — Там толмачи есть. Они объяснят, что там написано.

— Так и сделаю, — кивнул охотник. — Только не отдам, а продам. За хорошую цену.

Поясной мешок оказался менее интересным — там звенели серебряные монеты с изображением короля Касталинии. Брунс тут же пересыпал их в свой кошель, довольно хмыкнув.

— —

Лес по сторонам дороги становился всё гуще, сумрачнее. Ветви старых сосен сплетались над головой в тёмный полог, сквозь который с трудом пробивался дневной свет. Путь продолжался долго. Несколько раз останавливались, чтобы напоить лошадей и перекусить самим. Солнце успело перевалить за полдень и начало клониться к закату, когда лесорубы и охотники почуяли запах дыма.

— Близо, — коротко бросил Брунс, принюхиваясь.

И правда — вскоре между стволами показались очертания лагеря. Островерхие шалаши, окружённые остро заточенными кольями. В центре поляны горел большой костёр, возле него сутились люди. Чуть поодаль виднелась небольшая хижина, а ещё дальше, в окружении вековых дубов, темнела гладь Кровавого Озера. Вода в нём и впрямь отливала багрянцем в лучах заходящего солнца.

Телеги въехали в лагерь и остановились. Люди начали спрыгивать наземь — кто разминал затёкшие ноги, кто сразу нёсся разузнать обстановку. Брида выходила последней, неторопливо и с достоинством, словно не было ни похмелья, ни утомительной дороги.

Навстречу прибывшим вышел грузный немолодой мужчина с длинными усами, свисавшими ниже подбородка. Окинул людей пристальным взглядом, задержался на Бриде чуть дольше, чем на остальных, и наконец перевёл глаза на Сигберта.

— Здравствуй, Полди, — первым заговорил старший лесоруб. — Прибыли за большим бревном. Идол будем делать. Большой. Приказ Варина Одноглазого.

— И тебе не хворать, Сигберт, — ответил Полди, руководитель лагеря. — А что со старым идиолом? Сломали, что ли?

— Не для клана это. Для нового капища. Клань теперь объединяются. Нужно общее святилище.

Полди удивлённо вскинул брови:

— Клань объединяются? Ну надо же. Давно пора. — Он покосился на группу людей, разгружавших телеги. — Оставайтесь, стало быть. Завтра и брёвна, и люди в город поедут. Много мы заготовили. — Взгляд его снова упал на Бриду. — А это кто с вами?

— Охотники. Их вместе с нами отправили, — кивнул Сигберт в сторону Брунса и его товарищей.

— А она? — Полди указал на наёмницу.

— Брида. Эрнварка, с Туманного Острова. Сама напросилась в лес. Говорит, что ей сюда надо.

Полди хмыкнул, но спорить не стал. Махнул рукой:

— Ладно. Располагайтесь пока. Завтра с утра к работе приступите.

— А это кто? — Сигберт кивнул в сторону, где на толстом бревне сидел мужчина в сером плаще, украшенном перьями ворона. Незнакомец не сводил глаз с прибывших, но сам подходить не спешил.

— Это Уотан. Шаман из Клана Ворона, — негромко ответил Полди. — Зачем пришёл — не говорит. Сказал только, что скоро сами всё увидим.

В этот момент шаман перевёл взгляд на Брунса, который всё ещё сжимал в руках трофейный амулет. Взгляд этот был странным — долгим, внимательным, словно Уотан видел что-то, недоступное остальным. Брунс поёжился и спрятал амулет за пазуху.

— —

Из глубины леса донёсся мерный скрип колёс и приглушённые голоса. Вскоре на дороге, ведущей к лагерю, показалась ещё одна телега, запряжённая парой лошадей. Вдоль бортов были закреплены щиты — добротные, обтянутые кожей, с железными умбонами. В телеге сидели воины при полном вооружении.

Рядом с повозкой, чуть поодаль, ехала всадница. Высокая, крепкая женщина в плаще из волчьей шкуры, накинутом поверх кольчуги. На поясе, в ножнах, покоился меч, а на лбу отчётливо виднелась вытатуированная руна Волка. Волосы всадницы, тёмные с проседью, были стянуты в тугой узел на затылке.

Она первой заметила лагерь и, прищипорив лошадь, вырвалась вперёд. Подъехав к стоянке, женщина приказала вознице остановиться. Воины в телеге зашевелились, берясь за оружие, но она бросила короткое:

— Сидеть.

Телега замерла. Всадница окинула взглядом собравшихся у костра.

— Всех приветствую. Главный кто?

Полди шагнул вперёд, с любопытством разглядывая неожиданную гостью.

— Я главный. Полди, староста этого лагеря. Кто вы и зачем пожаловали?

— Вигберг, — женщина чуть склонила голову. — Командир отряда. Клан Волка. Присланы в помощь лагерю.

Полди удивлённо приподнял бровь:

— Мы помощи не просили.

— Приказ Хродалфа Хищника, — жёстко ответила Вигберг. — Проблемы Клана Кабана теперь и наши проблемы. По лесам тут шляется шайка разбойников. Сказывают, командует ими воин-бык. — Она сплюнула под ноги. — Если они на ваших лесорубов нападут, вам мало не покажется. Так что мы здесь по делу.

Полди переглянулся с Сигбертом, потом кивнул:

— Что ж, помощи не отвергаем. Оставайтесь. Располагайтесь, где сочтёте нужным. Место есть.

Вигберг коротко кивнула и обернулась к телеге:

— Белотур!

Из-за борта поднялся высокий мужчина в добротной броне, заметно отличавшейся от остальной — более искусной работы, с чеканными пластинами на груди и наплечниках. Лицо у него было обветренное, со шрамом на скуле, а короткая стрижка выдавала чужака — северяне обычно носили длинные волосы.

Белотур подошёл к Вигберг. Та быстро проговорила что-то на незнакомом большинству языке — гортанном, с резкими звуками. Белотур кивнул, бросил короткую фразу в ответ и вернулся к телеге, где остальные воины уже начинали выгружаться.

Вигберг снова повернулась к повозке и нахмурилась:

— Герти! Ты там что, уснула? А ну вылезай!

Из-за борта показалась голова — взлохмаченная, с сонным лицом. Девушка, совсем юная, неторопливо сползла с телеги, держа в руках лук, колчан со стрелами и охотничий нож на поясе. Глаза у неё слипались, двигалась она так, будто всё ещё спала на ходу. Подойдя к строю воинов, она встала с краю, зевнула и принялась бессмысленно таращиться на костёр.

Белотур покосился на неё с недоумением — как можно было ухитриться заснуть в трясущейся телеге, среди людей, брони и оружия, для него оставалось загадкой.

Велтен, стоявший неподалёку, замер, разглядывая девушку. Она была... интересной. Узкое лицо с острым подбородком, русые волосы, спадающие до плеч, стройная фигура, скрытая под простой дорожной одеждой. Что-то в ней притягивало взгляд — может, эта сонная беззащитность, может, то, как она сжимала лук.

Он шагнул ближе, чтобы лучше рассмотреть, и тут перед ним выросла лошадиная морда.

Велтен поднял глаза — Вигберг смотрела на него в упор. Взгляд у неё был такой, что впору было попятиться.

— Ещё раз так на мою дочь посмотришь, — тихо и внятно произнесла воительница, — смотреть будет нечем.

— —

Рассвет только начинал золотить верхушки сосен, когда лагерь зашевелился. Велтен проводил взглядом первые уходившие в город телеги, гружёные заготовленной древесиной, и поправил топор на поясе. Лесорубы уже кучковались у края поляны, перекидываясь короткими фразами.

Краем глаза Велтен заметил, как Герти отделилась от отряда Вигберг и бесшумной тенью скользнула вслед за охотниками, уходившими в противоположную сторону леса. Девушка двигалась легко, словно всю жизнь только этим и занималась, — ни одна ветка не хрустнула под её ногой.

— Меня подождите! — раздалось сзади.

Велтен обернулся и увидел Уотана. Шаман торопливо догонял группу лесорубов, придерживая рукой полы серого плаща, расшитого вороньими перьями. Дышал он тяжело — видно, бежать в такой одежде было несподручно.

— Тебе-то туда зачем? — не удержался Велтен, когда шаман поравнялся с ним.

Уотан покосился на него, и в глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли усмешка, то ли предостережение.

— Увидишь.

Лесорубы переглянулись, но спорить не стали. С шаманами вообще старались лишний раз не пререкаться. Кому ведомо то, что простым смертным не дано, те и ведут себя странно — таков порядок.

Группа углубилась в лес. Сосны здесь стояли старые, могучие, с тёмной корой, изрезанной глубокими морщинами. Землю устилал мягкий ковёр из мха и опавшей хвои, заглушавший шаги. Тишина стояла такая, что звенело в ушах.

Долго бродили, высматривая подходящее дерево. Обходили дуб за дубом, прикидывали на глаз высоту и толщину, стучали обухами по стволам, прислушиваясь к звону. Уотан держался позади, не вмешивался, только поглядывал по сторонам внимательно, словно видел то, что остальным было незримо.

— Вон тот подойдёт! — вдруг выкрикнул молодой лесоруб, указывая на могучий дуб, возвышавшийся над остальными деревьями. Глаза его загорелись азартом, и он, занеся топор над головой, рванул вперёд.

— Стой! — крик Уотана резанул по ушам.

Шаман метнулся следом, расталкивая ветки, но лесоруб уже почти добежал до цели. И тут из-за дуба выступило нечто. Велтен замер, вцепившись в топорщице. Существо было ростом с человека, но человеком не являлось. Оно словно состояло из коры и мха — грубая кожа напоминала старую древесину, длинные спутанные волосы походили на лишайник. Одето оно было в плащ из звериной шкуры, поросший зелёным мхом. Лицо... лица почти не было — только глубокие провалы глаз, в которых угадывалось нечто древнее и равнодушное, как сама природа. Страж леса.

Молодой лесоруб застыл на месте, выронив топор. Клинок едва не вонзился ему в ногу — парень даже не заметил. Он стоял белый, как снег, и смотрел на существо, не в силах пошевелиться. Уотан в два прыжка оказался между ними. Раскинул руки в стороны, загоразивая путь, и заговорил — спокойно, ровно, без тени страха:

— Мы не хотим вредить лесу. Мы пришли с миром.

Страж зашипел. Звук был похож на скрип старых веток под порывами ветра — тоскливый и злоеющий одновременно. Он сделал шаг вперёд, и Уотан почувствовал, как от него повеяло холодом, идущим не от тела, а от самой сути этого создания.

— Мы хотим сделать идола, — продолжал шаман, не отступая. — Для капища. Чтобы чтить богов. Не для поругания леса — для веры.

Страж замер. Склонил голову набок, словно обдумывая услышанное. Шипение стихло. Существо медленно наклонилось и коснулось пальцем земли — длинным, узловатым, похожим на сухую ветку.

Уотан шагнул ближе. Всего на полшага, но этого оказалось достаточно, чтобы страж поднял голову и уставился ему прямо в глаза.

— Лес живой, как и ты, — тихо произнёс шаман, глядя в эти бездонные провалы. — Мы все часть этого мира. Ты хранишь его, мы уважаем твой труд. Если ты позволишь нам взять один дуб — только один, — мы обещаем заботиться о лесе. Сажать новые деревья. Не трогать лишнего.

Страж леса долго молчал. Лесорубы за спиной Уотана не дышали. Кто-то уже обращался к Хладвигу, кто-то сжимал топор — хотя что топор против такого существа?

И вдруг страж выпрямился. Лицо его... изменилось. Нельзя сказать, что стало добрее — скорее, утратило ту жуткую напряжённость, которая была в нём мгновение назад. Он издал звук — низкий, гортанный, похожий на стон старого дерева, но в этом звуке не было ярости. Только принятие.

— Мы можем договориться, — выдохнул Уотан, чувствуя, как напряжение отпускает и его, и стоящих позади людей.

Страж поднял руку, похожую на ветку, и указал куда-то в сторону. Туда, где за стеной молодых сосен виднелся ещё один дуб, чуть поодаль от остальных. Потом перевёл взгляд на Уотана и протянул ладонь — раскрытую, словно ждал чего-то.

Шаман не растерялся. Полез в поясной мешок, извлёк оттуда небольшой предмет, переливающийся в утреннем свете, и вложил в узловатые пальцы стража. Тот сжал дар, ещё раз взглянул на людей и медленно, не спеша, растворился в чаще — просто шагнул между деревьями и исчез, словно его и не было.

Уотан обернулся к лесорубам. Лицо его было бледным, но довольным.

— Всё в порядке. Вон тот дуб можно рубить. — Он кивнул в сторону, указанную стражем.

Молодой лесоруб наконец перевёл дух. Подобрал топор дрожащими руками и выдавил:

— А... а зачем ему тот большой дуб так нужен был? Который я хотел срубить?

Уотан покачал головой:

— Я не знаю. Такие существа не любят лишних вопросов. Запомни: в этом лесу ты гость. Веди себя соответственно.

Велтен подошёл к указанному дубу. Обошёл его кругом, просчитывая высоту и толщину, оценивая наклон ствола и соседние деревья. Профессиональным взглядом приметил, где делать зарубку, чтобы ствол лёг точно в просвет между соседними стволами и не повредил молодняк. Отошёл на несколько шагов, прищурился, вернулся. Ещё раз измерил шагами расстояние.

— Этот подойдёт, — наконец заключил он. — Крепкий, ровный. И упадёт чисто.

Он поднял топор, примеряясь. Первый удар пришёлся точно в намеченное место — лезвие вошло в древесину с сочным хрустом. За первым ударом последовал второй, третий. Щепки полетели во все стороны, и лес наполнился мерным, спокойным стуком — звуком работы, которая была понятна и нужна и людям, и, как выяснилось, даже лесным стражам.

— —

Оглушительный треск расколол лесную тишину. Дуб дрогнул, накренился, ещё мгновение словно раздумывал — и рухнул, сминая подлесок. Удар о землю отозвался глухим гулом, ветки вокруг жалобно хрустнули. Ненадолго всё стихло, только где-то вдали испуганно застрекотала сорока.

Лесорубы, не мешкая, обступили поверженного великана. Работа закипела — кто с топором, кто с ножом. Сучья летели в стороны, самые толстые откладывали отдельно — на дрова или на мелкие поделки. Ствол очищали от коры длинными полосами, обнажая светлую, ещё влажную древесину.

Велтен работал молча, сосредоточенно. Топор в его руках ходил ровно, без лишних движений — каждый удар приходился точно в цель. Рядом трудились остальные, перекидываясь редкими фразами. Солнце поднялось уже высоко и начинало клониться к закату, когда с деревом было покончено. Ствол распилили на две части — одну, что покороче, оставили для идола, вторую решили забрать на дрова. С корой тоже управились, ветки обрубили все до единой.

Оставалось только выровнять ствол — сделать его гладким, готовым для резьбы. Но тут выяснилась неприятность: скобели, которыми обычно снимали неровности, впопыхах забыли в лагере.

— Ну и дела, — проворчал один из лесорубов, оглядывая ствол. — Теперь что, тащить такой?

— А что делать? — отозвался другой. — Здесь оставим — за ночь зверьё попортит. Да и, не ровен час, найдут ещё кто.

Заспорили. Одни предлагали бросить бревно здесь, прикрыть лапником и вернуться утром со всем необходимым. Другие настаивали тащить сейчас, пока светло.

— Хватит гадать, — вмешался Уотан. Он стоял чуть поодаль, прислонившись к сосне, и до этого молча наблюдал за спором. — Я схожу в лагерь. Приведу помощь и телегу. А вы ждите здесь.

— Один пойдёшь? — усомнился Велтен.

— Не заблужусь, — усмехнулся шаман. — Лес меня знает.

Он развернулся и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь. Серый плащ с вороньими перьями быстро затерялся между стволами. Лесорубы проводили его взглядами и принялись устраиваться на отдых. Кто-то развёл небольшой костерок, кто-то достал припасы. Время тянулось медленно.

Уотан вернулся, когда солнце уже почти касалось верхушек деревьев. Шаман шёл первым, за ним, громыхая колёсами по корням, тащилась телега, запряжённая парой лошадей. А за телегой, верхом, ехала Вигберг.

Следом, пешком, шли воины — человек пять, с оружием наготове.

— Немалое дерево вы нашли, — Вигберг окинула взглядом ствол и одобрительно хмыкнула. — Из такого идол знатный выйдет. Что ж, грузите. — Она махнула рукой своим: — Помогите им.

Воины, охотники и лесорубы смешались в единую толпу, обступив бревно. Телегу подогнали вплотную. Мужики налегли на тяжёлую древесину. Ствол приподняли, с трудом закатали на повозку, подтолкнули вперёд, насколько хватило сил. Телега просела, жалобно скрипнула, но выдержала.

— Трогаем, — скомандовала Вигберг, и процессия двинулась обратно.

Дорога до лагеря показалась длиннее, чем утром. То и дело приходилось останавливаться — то колесо в яму попадало, то бревно начинало сползать. Воины подпирали его плечами, подправляли, снова толкали. Уже в сумерках, когда небо окрасилось в багровые тона, показались знакомые очертания.

В лагере их встречали. Люди высыпали из шалашей, глядя на привезённое бревно. Кто-то присвистнул, кто-то одобрительно загудел. Бревно и впрямь было знатным. Выгружали его уже с помощью всех, кто был рядом. Пыхтели, кряхтели, но справились. Когда ствол наконец уложили на землю рядом с костром, Велтен вытер пот со лба и огляделся.

Охотники уже всю разделявали добычу — тетерева и глухари, подстреленные за день, лежали на расстеленных шкурах. Птица была жирная, можно было ждать сытного ужина.

Велтен присел на лежавшее неподалёку бревно, прикрыл глаза, наслаждаясь спокойствием. Сзади слышались голоса, смех, звон посуды — лагерь оживал с наступлением темноты.

— Устал? — рядом плюхнулся Брунс, протягивая деревянную кружку с водой. — На, попей.

Велтен принял кружку, с наслаждением отпил. Холодная вода обожгла горло, смывая усталость.

— День был долгий, — признался он.

— А будет ещё дольше, — заметил Брунс. — Завтра ствол ровнять, потом идола делать... Эх, хорошо, что я охотник, а не лесоруб. Мне бы мясо добыть да шкуры снять.

— А мне бы топором помахать, — усмехнулся Велтен. — Каждому своё.

Они молчали, глядя, как солнце медленно уходит за горизонт. Где-то в лесу крикнула птица, ей откликнулась другая. Лагерь постепенно затихал.

— —

Велтен перевёл взгляд на другую сторону поляны и вдруг замер. Герти, сжимая рукоять ножа, крадущимся шагом направлялась в сторону леса. Она то и дело оглядывалась на мать, которая стояла спиной к дочери и о чём-то беседовала с Полди. Девушка двигалась бесшумно, как заправский охотник.

Велтен нахмурился. Что ей понадобилось в лесу в такое время? Он поднялся, жестом остановив собравшегося что-то спросить Брунса, и, стараясь не привлекать внимания, зашагал следом.

Велтен крался между деревьями, стараясь ступать бесшумно. Хорошо ещё, что в лесу было достаточно тени — вечернее солнце пробивалось сквозь кроны редкими лучами, не выдавая его присутствия. Герти шла впереди, то и дело оглядываясь, но всякий раз, когда её взгляд падал в его сторону, Велтен замирал за стволом и задерживал дыхание.

Она вывела его на небольшую поляну, окружённую старыми дубами. Место было укромное — со стороны тропы не заметишь, пока вплотную не подойдёшь. Герти остановилась посередине, огляделась, удовлетворённо кивнула и вытащила из-за пояса нож.

Велтен притаился за толстым стволом и стал наблюдать. Девушка принялась крутить клинок в руке, перебрасывая его из левой ладони в правую, делала выпады, приседала, уворачивалась от невидимого противника. Движения её были плавными, но чувствовалось, что левая

рука работает хуже правой — удары выходили чуть медленнее, чуть менее точными. Герти хмурилась, останавливалась, пробовала снова.

Велтен засмотрелся. Было в этом зрелище что-то завораживающее — как молодая девушка, почти ребёнок, старательно оттачивает боевые приёмы, готовая к тому, что рано или поздно ей придётся применять их всерьёз.

— Ты думаешь, я тебя не заметила? — вдруг громко сказала Герти, не оборачиваясь. — Выходи давай.

Велтен поперхнулся воздухом. Вот тебе и охотник-невидимка. Он вышел из-за дерева, пряча смущение за виноватой улыбкой.

— Что ж, не умею я прятаться, — признался он, подходя ближе.

— Ещё в лагере тебя заметила, — усмехнулась Герти. — Ты как за мной поплёлся, так каждый куст шуршал громче медведя.

— Да ну? — Велтен оглянулся на тропу, словно ожидая увидеть там доказательства своей неуклюжести. — А мне казалось, тихо шёл.

— Ти-хо, — по слогам повторила девушка, пряча улыбку. — Ладно, не переживай. У охотников слух другой. Ты зачем пошёл-то?

— За тобой, — честно ответил Велтен. — Увидел, как ты из лагеря выскользнула, и стало интересно. Мало ли что в лесу ночью бывает.

— Ночью, — хмыкнула Герти, кивая на небо, где ещё вовсю светило солнце. — До ночи далеко. А я тренироваться пошла. Левая рука никуда не годится, а в лагере людей много, мешают. Да и мать... — она запнулась. — Сам видел, какая она.

Велтен вспомнил суровый взгляд Вигберг и поёжился.

— Видел, — признал он. — Строгая у тебя мать.

— Строгая, — легко согласилась Герти. — Но справедливая. Просто боится за меня. После того как отец... — Она оборвала фразу и резко сменила тему: — Ладно, раз уж пришёл, стой тихо. Не мешай.

Она снова принялась за упражнения, но вскоре остановилась и оглянулась на Велтена, который стоял столбом, боясь лишний раз вздохнуть.

— Слушай, может, имя скажешь? А то стоишь, молчишь.

— Велтен, — спохватился он.

— Герти, — ответила она, хотя он и так знал. — Рада знакомству.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Велтен поймал себя на том, что разглядывает девушку слишком пристально — ищет глазами татуировки, которые у северянок часто свидетельствовали о боевом опыте или семейном положении. Герти заметила его взгляд и усмехнулась:

— Можешь на мне татуировок не искать. Я сама всё скажу. Не замужем.

Велтен почувствовал, как щёки начинают теплеть.

— Я не поэтому...

— Да ладно, — отмахнулась Герти. — Я же вижу, как ты смотришь. И мать моя тоже видит. Потому и пригрозила. — Она помолчала и добавила уже тише: — А у тебя вон есть татуировка. Покажешь?

Велтен помедлил, потом оттянул ворот рубахи, открывая правую сторону груди. На коже темнел отчётливый отпечаток кабаньего копыта — грубый, но искусно выполненный рисунок.

— Врага убил? — догадалась Герти.

— Да.

— На войне?

— Нет. — Велтен убрал руку, снова запахнул рубаху. — Не на войне. Вообще случайно вышло.

Герти отложила нож, присела на пенёк и приготовилась слушать. Велтен помялся, потом устроился рядом на траве, прислонившись спиной к дереву.

— Решил я как-то пройти через квартал бедняков, — начал он нехотя. — Дело было к вечеру, темнело уже. Думал, сокращу путь. А там меня один встретил...

— —

Лезвие ножа упёрлось в горло. Велтен замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Сзади стоял кто-то — ниже ростом, тощий, судя по дыханию — и прижимал клинок к коже так, что любое неосторожное движение могло стать последним.

— Деньги давай, — прошипел голос из-за спины. — Быстро.

Велтен скосил глаза. Из-под глубокого капюшона разглядеть лицо было невозможно — только тень и блеск глаз. Рука преступника заметно дрожала от напряжения, дыхание было рваным. Новичок, понял Велтен. Или отчаявшийся до крайности, или глупый.

— Спокойно, — сказал он как можно ровнее, стараясь не делать резких движений. — Сейчас достану. Только не дёргайся.

— Быстро! — рявкнул тот, но нож чуть ослабил давление.

Левая рука Велтена скользнула к поясу, к мешку с монетами. Он позвенел ими, привлекая внимание грабителя. И тот попался — взгляд его на мгновение переметнулся к мешку, рука с ножом дрогнула. Этого мгновения хватило.

Велтен рванулся в сторону, сбивая нож правой рукой, и одновременно при развороте со всей силы врезал коленом в живот нападавшему. Тот охнул, сложился пополам, нож выпал из ослабшей руки и воткнулся в землю остриём вниз. Велтен не стал ждать. Клинком он владел хуже, чем топором, но кулаки у него всегда были тяжёлые.

Удар снизу в челюсть откинул голову грабителя назад. Ещё один — ногой в живот — отправил его на колени. А потом Велтен уже не мог остановиться. Ноги сами молотили по скорчившемуся телу. Хруст костей, хрипы, всхлипы — всё смешалось в кровавую кашу. Ярость поднялась изнутри чёрной волной, застила глаза. Сознание отключилось, остались только инстинкты — бить, крушить, уничтожать.

Он не слышал, как подбежали стражники. Не почувствовал, как его схватили за руки, пытаясь оттащить. Вырывался, брыкался, даже пару раз попал одному из патрульных по лицу, прежде чем его всё-таки скрутили и прижали лицом к земле.

Остывал он долго. Лежал в пыли, тяжело дышал и смотрел на неподвижное тело в нескольких шагах от себя. Грабитель был мёртв. Велтен убил его. Не на войне, не в честном бою — просто забил насмерть ногами, как бешеную собаку.

Потом был суд. Родители убитого, местные пьяницы, орали, требовали казни, сочиняли на ходу небывлицы о том, какой хороший был их сын и как злодей-лесоруб напал на него ни за что. Но свидетели — стражники, прибежавшие на шум, — подтвердили: нападавший был с ножом, угрожал, требовал денег. Сын воеводы, разбиравший дело, сказал коротко: «Защищался. Преступления нет».

Татуировку разрешили нанести позже. В память о первом убитом враге. Хотя врагом того парня Велтен не считал — так, жалкий грабитель, каких много. Но обычай есть обычай.

А перед стражей пришлось извиняться. За то, что руки распустил.

— —

— ...Вот так и получил это копыто, — закончил Велтен, не глядя на Герти. — Не самая славная история.

Девушка молчала. В лесу стало заметно темнее — солнце почти село, тени удлинились, и воздух наполнился вечерней прохладой.

— Враг есть враг, — наконец сказала Герти. — Неважно, грабитель он или воин. Ты защищал свою жизнь — значит, имел право.

— Твоя мать так же считает? — усмехнулся Велтен.

— Моя мать считает, что мужчина должен уметь защищать себя и своих, — твёрдо ответила Герти. — А ещё она считает, что я должна выйти замуж за достойного. — Она вдруг рассмеялась, но смех вышел невесёлым. — Представляешь? У неё муж — пивовар. Самый обычный пивовар. Она за него вышла по любви, а теперь боится, что я повторю её судьбу. Хочет, чтобы в семье всё было «правильно». Чтобы муж был воином, чтобы клан уважал, чтобы дети...

Она осеклась, поняв, что сказала лишнего.

— Извини, — буркнула Герти, отворачиваясь. — Не надо было этого говорить.

— Ничего, — мягко ответил Велтен. — Я понимаю.

Они посидели ещё немного в тишине. Где-то вдали ухнул филин, ему откликнулся второй. Лес жил своей ночной жизнью.

— Нам возвращаться надо, — первой нарушила молчание Герти. — Пока не хватились. Мать, конечно, занята, но, если заметит, что меня нет, — мало не покажется.

— И мне достанется, — добавил Велтен, поднимаясь. — Твоя мать ясно дала понять, что со мной сделает, если ещё раз на тебя посмотрю.

— А ты смотри, — вдруг тихо сказала Герти, поднимаясь следом. — Только аккуратно. Чтобы не замечала.

Она улыбнулась — в полумраке Велтен разглядел только белый блеск зубов — и, развернувшись, зашагала в сторону лагеря, бесшумно скользя между деревьями. Велтен двинулся за ней, стараясь теперь ступать осторожнее. Выходило плохо — под ногами то и дело хрустели ветки, шуршала листва. Герти оглянулась, покачала головой, но ничего не сказала.

У края лагеря она остановилась, приложив палец к губам. Велтен замер за стволом, выглядывая. Лагерь жил своей жизнью — горел костёр, несколько воинов сидели у огня, переговаривались. Вигберг была видна отчётливо — она сидела на скамье возле хижины и о чём-то беседовала с Полди. Взгляд её был направлен в противоположную сторону.

Герти опустилась на четвереньки и поползла, пригибаясь к земле. Высокая трава скрывала её фигуру, только лёгкое колыхание стеблей выдавало движение. Велтен затаил дыхание. Вот она проползла открытое пространство, вот миновала колья, вот нырнула в ближайший шалаш и исчезла внутри. Никто не заметил.

Велтен облегчённо выдохнул и, выпрямившись, спокойным шагом направился в лагерь. Воин, стоявший на посту, проводил его взглядом, но ничего не сказал — свой же, лесоруб, чего к нему цепляться.

Герти уже вышла из шалаша и сидела у костра, делая вид, что всё это время была здесь. Перехватив взгляд Велтена, она чуть заметно подмигнула и отвернулась к огню.

— Велтен! — окликнул его Брунс. — Ты куда пропал? Тут ужин остывает. Давай, пока мясо не растащили.

Велтен подошёл, достал из мешка миску, зачерпнул густой похлёбки с мясом и устроился на бревне. Рядом присел Брунс, что-то рассказывал о сегодняшней охоте, но Велтен слушал вполуха. Он смотрел на Герти, которая делала вид, что очень занята своим ужином.

Велтен сидел у костра, доедая густую похлёбку. Мясо попадалось то и дело — охотники постарались на славу, дичи в этот раз было много. Рядом ужинал Брунс, изредка поддевая ложкой куски покрупнее.

— Хороша похлёбка, — довольно проговорил охотник. — Жена дома так не сварит.

Вдруг неподалёку раздались голоса. Велтен поднял голову и увидел Уотана, который подошёл к Брунсу и что-то негромко говорил, кивая в сторону. Брунс нахмурился, покачал головой, но шаман настаивал. Они отошли чуть в сторону, за шалаш, и продолжили спор — судя по жестам, речь шла о продаже найденного амулета и книги. Брунс хотел получить побольше, а Уотан явно торговался. Велтен отвернулся. Не его дело.

Взгляд его скользнул по лагерю. У края поляны, где было сложено снаряжение воинов, он заметил аккуратно сложенную одежду — знакомые штаны, сапоги, тунику. Брида. Самое забавное — самой наёмницы поблизости не наблюдалось. Велтен хмыкнул, догадавшись, куда она направилась. Озеро рядом, вечер тёплый... почему бы и нет?

Он перевёл взгляд на костёр. Герти сидела чуть поодаль, делая вид, что целиком поглощена едой, но краем глаза следила за ним. Перехватив его взгляд, она чуть заметно улыбнулась и тут же уткнулась в миску.

— Здравы будьте, — раздался низкий голос с чуть заметным акцентом.

Велтен обернулся. Рядом стоял Белотур — наёмник из Данимиры. Броню он уже снял, оставшись в лёгкой полотняной рубаше и кожаных штанах, но меч на поясе всё ещё висел — привычка, видно, не расставаться с оружием.

— И ты будь здоров, — ответил Велтен, чуть подвинувшись на бревне, освобождая место. — Присаживайся, коли пришёл.

Белотур кивнул, уселся, с интересом оглядел сидящих у костра.

— Вы, как я понимаю, из Клана Кабана? — спросил он, принимая из рук подошедшего Полди кружку с водой.

— Верно, — кивнул Велтен. — А ты, стало быть, из Данимиры? Не доводилось бывать у нас?

— Не доводилось, — Белотур отхлебнул из кружки, довольно прищурился.

— У нас много интересного есть, — встрял Брунс, возвращаясь от Уотана. Вид у него был довольный — видимо, торговался выгодно. Он плюхнулся рядом, пододвинул миску с мясом. — Ты чего хотел-то? Про Данимиру рассказать?

— Могу и рассказать, — усмехнулся Белотур. — А вы про свой клан поведаете. Я слышал, вы идола делаете?

— Хладвига, — подтвердил Велтен. — Бога войны. Для него дуб срубили. Вон лежит, — он кивнул в сторону бревна, чернеющего посреди лагеря.

— А как он выглядит, ваш бог войны? — заинтересованно спросил наёмник.

— Длинные волосы, борода, кольчуга. В руках топор, большущий, — принялся объяснять Брунс, размахивая ложкой. — А ещё он в кабана может обернуться. Как захочет — так и делается.

Белотур кивнул, задумчиво глядя на огонь.

— Похоже на нашего Воибора, — сказал он. — Только у того два топора — в каждой руке по одному. И он не только войны бог, но и грома. А в зверей не обращается — при нём всегда тур ходит, огромный дикий бык. — Белотур увидел недоумённые взгляды и пояснил: — У нас в Данимире целые стада по лесам бродят.

— А громами у нас Алард заведует, — вступил Велтен. — Бог ветра. Палицей по тучам ударит — молния сразу. Тоже воевать любит. В орла превращается. Он старший сын Трогота, верховного нашего бога.

— О вашем верховном я слышал, — оживился Белотур. — Бог силы, главный над всеми. Интересная у вас вера. На нашу похожа, но есть отличия. У наших богов тоже есть свои звери, но они в них не обращаются — просто при себе держат.

— А каких зверей ещё в Данимире можно встретить? — поинтересовался Брунс, подкладывая в костёр хворосту.

— О, много, — Белотур оживился, видно было, что тема ему близка. — Взгляните вон на то дерево.

Все повернули головы. На ветке старого дуба сидела куница — тёмный гибкий зверёк с пушистым хвостом. Она с любопытством разглядывала людей, склонив голову набок.

— Куницу видите? — Белотур улыбнулся. — У нас таких полно. А есть ещё соболь — на куницу похож, но мех ценнее, богачи из него шубы шьют. Ещё колонок есть — тоже из

этого же роду. Красивые звери. Я б такого дома держал, если б приручить можно было. — Он вздохнул. — Да только никто не пробовал.

— А крупные звери есть? — спросил Велтен.

— Лоси, олени, медведи, волки, рыси, росوماхи, — перечислил Белотур. — Это у вас тоже водится. А вот на юге Данимиры, в горах, живут пардусы — большие дикие коты, серые с чёрными пятнами. Редко кто их видел — они людей сторонятся. — Он помолчал, потом добавил тише: — Но есть твари пострашнее зверей. И их лучше не злить.

— Знаем мы таких, — мрачно кивнул Брунс. — В этом лесу висельников полно. Колдуны их поднимают, и выходят они по ночам на охоту. Заложные покойники, значит. А ещё болотницы есть, утопленники...

— У нас оживших мертвецов упырями зовут, — подхватил Белотур. — И леший в лесу свой есть — вашему стражу, выходит, сродни. Водяные, полевики, домовые, банники, овинники — везде по духу. — Он понизил голос: — Но страшнее всего волколаки. Это люди, что обряд прошли и в волков оборачиваются. И не просто в зверей — разум у них остаётся, и злоба человеческая. Вот их бояться надо пуще всего.

Велтен вздрогнул. Слово «волколак» ударило в самое сердце. Перед глазами вдруг встало недавнее прошлое — рассказ Брунса...

— Велтен? — окликнул его Брунс. — Ты чего?

— Да так... — Лесоруб тряхнул головой, отгоняя видение. — Вспомнилось кое-что.

— Про отца? — тихо спросил Брунс, и Велтен кивнул.

— —

Охотничий лагерь стоял в глухой чаще, далеко от города. Солнце село уже давно, и только костёр бросал пляшущие отсветы на усталые лица.

Маленькая группа охотников, укутавшись в звериные шкуры, сидела вокруг огня, терпеливо дожидаясь ужина. Над углями медленно вращался вертел с нанизанными тетеревами — запах жареного мяса разносился по округе, дразня и без того разыгравшийся аппетит. Самый молодой из охотников, семнадцатилетний парень, усердно проворачивал вертел посолонь, то и дело облизываясь.

Выход в лес тянулся уже вторую седмицу. Приближающаяся зима заставляла торопиться — кладовые нужно было набить до отказа, чтобы пережить холода. Охотникам выделили телегу с лошадью, иначе добычу было не вывезти. Клос и Брунс с великим трудом погрузили в повозку освежёванную тушу лося, накрыли шкурами и только тогда позволили себе присесть к костру. Завтра — обратно в город.

— Держи, — один из товарищей протянул Клосу миску с дымящимся мясом.

Отец Велтена принял еду, кивнул в знак благодарности и уже поднёс ложку ко рту, когда выючная лошадь, привязанная к вбитому в землю кольшику, внезапно забеспокоилась.

Она топталась на месте, прядала ушами, тревожно всхрапывала. Клос нахмурился, отставил миску и поднялся. Подошёл к лошади, попытался успокоить — погладил по морде, потрепал по холке. Но животное не унималось. Оно тянуло повод, косило глазом в сторону леса, и в этом взгляде читался такой ужас, какой бывает только перед лицом неминуемой смерти.

— Тихо, тихо... — бормотал Клос, но лошадь дрожала всем телом. Если бы не привязь, она бы уже умчалась прочь, ломая кусты.

А потом Клос услышал.

Крадущиеся шаги. Осторожные, но тяжёлые. Кто-то большой обходил лагерь по кругу, не решаясь подойти ближе. Ветки хрустели под осторожными лапами, листва шелестела, и в этом шелесте чудилось что-то нечеловеческое.

— К оружию! — крикнул Клос, хватаясь за лук.

Охотники вскочили, побросав миски. Кто схватил топор, кто копье. Запах жареного мяса мгновенно выветрился из голов, сменившись резким запахом страха.

Шаги не прекращались. Заросли шевелились то тут, то там — не поймёшь, где враг, сколько их. Свет от костра выхватывал только ближайшие стволы, дальше стояла непроглядная чернота.

Клос шагнул вперёд, глядя в темноту. Рука сама вытащила стрелу из колчана, наложила на тетиву. Кусты напротив качнулись. В темноте зажглись два жёлтых огня. Глаза. Волчьи глаза — но слишком большие, слишком осмысленные. И в них горела не просто звериная злоба, а холодная, расчётливая ненависть. Клос выстрелил, почти не целясь. Стрела мелькнула в воздухе — и существо в последний миг пригнулось, уходя от удара. Дрожащее древко вонзилось в ствол позади него.

Рычание, от которого кровь стынет в жилах, разорвало тишину. Существо прыгнуло. Оно пересекло разделяющее их расстояние в несколько прыжков — огромное, косматое, стремительное, как сама смерть. Клос не успел даже закричать. Тяжёлая туша сбила его с ног, острые клыки сомкнулись на горле.

Лошадь заржала так, что уши заложило. Охотники наконец увидели, с кем имеют дело. Оборотень. Он стоял над телом Клоса, подняв окровавленную морду, и смотрел на людей жёлтыми глазами. Шерсть на загривке стояла дыбом, с клыков капала кровь. На миг в его взгляде мелькнуло что-то человеческое — и от этого стало ещё страшнее.

— Бей! — заорал Брунс и, забыв про всякую осторожность, бросился на тварь с топором.

Оборотень оказался быстрее. Мощный удар лапой — и Брунс отлетел назад, кубарем покатился по земле. На груди у него расцвели четыре кровавые полосы.

— Стреляй! — крикнул кто-то.

Тетива зазвенела. Стрела впилась в лапу оборотня, вторая — в бок. Тварь взвыла — страшно, тоскливо, так, что у охотников подогнулись колени. Но падать не собиралась. Наоборот — приготовилась к новому прыжку.

— Копья! — раздалась новая команда.

Несколько охотников метнули рогатины почти одновременно. Тяжёлые железные наколенники пробили шкуру, вонзились в плоть. Оборотень зашатался, словно пьяный, — туда-сюда, как будто не мог выбрать, в какую сторону упасть. Наконец подломились задние лапы, и он осел набок. Но не умер. Сдаваться тварь не собиралась. Она лежала на боку, тяжело дыша, и всё ещё пыталась ползти к людям, скребя землю когтями. В жёлтых глазах горела такая ненависть, что никто из охотников не решился подойти близко — знали, чем опасен раненый зверь.

Последняя стрела вошла точно в глаз. Оборотень дёрнулся, вытянулся и затих. Окончательно.

Брунс, зажимая окровавленную грудь, поднялся на ноги и подошёл к телу Клоса. Тот лежал с разорванным горлом, глядя в небо невидящими глазами. Лицо его было спокойным — может, успел увидеть что-то там, за гранью? Или просто смерть пришла слишком быстро, чтобы испугаться?

Охотники молча стояли вокруг, глядя на погибшего товарища. Того, что уже успел воссоединиться со своей женой, погибшей в бою.

— —

Разговор у костра шёл своим чередом. Белотур, воодушевлённый вниманием слушателей, перешёл от зверей к истории Данимиры — рассказывал о князьях, о войнах с кочевниками, о диковинных обычаях. Его речь с лёгким акцентом лилась плавно, и даже те, кто вначале слушал вполуха, постепенно заинтересовались.

— ...на заставе всем это рассказывал, теперь и здесь, — донёсся до Велтена насмешливый шёпот Вигберга. Воительница сидела неподалёку, делая вид, что занята своим ужином, но краем глаза следила за наёмником.

Велтен усмехнулся про себя и уже открыл рот, чтобы что-то спросить, как вдруг разговоры стихли сами собой. Из-за деревьев, со стороны озера, вышла Брида. Она шла медленно, не торопясь, и на ней не было ничего, кроме амулета с ликом Агроны, мерно покачивающегося на груди. В руках наёмница держала копье, мокрые рыжие волосы рассыпались по плечам и спине, с них стекала вода, поблёскивая в свете костра. Наёмница совершенно не смущалась своей наготы — держалась прямо, с достоинством, словно вышла не из лесного озера, а из пиршественного зала.

На несколько мгновений в лагере воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском дров в костре. Кто-то из мужчин присвистнул. Кто-то одобрительно хмыкнул. Женщины, сидевшие у огня, обменялись быстрыми взглядами — кто с завистью, кто с осуждением, но вслух высказываться не решились. Вигберг лишь покачала головой и отвернулась, сделав вид, что происходящее её совершенно не касается. Брида, не обращая ни на кого внимания, направилась к своим вещам, сложенным неподалёку от костра. Шла она нарочито медленно, давая возможность всем желающим рассмотреть себя как можно дольше. И многие этим пользовались — взгляды мужчин так и прилипали к её фигуре.

Особенно внимательно Брида поглядывала на Велтена. Краем глаза она следила за ним, отмечая, смотрит ли он. Велтен смотрел. И не мог оторваться. Он видел её и раньше — в одежде, с копьем, за игрой в кости. Но такой Бриды он не знал. Мокрая кожа блестела в отблесках пламени, открывая взгляду то, что обычно скрывала одежда.

Шрамы. Несколько длинных, уже побелевших полос на боку — память о схватке, в которой смерть прошла совсем рядом. Росчерк на левом предплечье, похожий на след от когтей. Круглый шрам на плече — может, от стрелы, может, от копья. Каждый шрам рассказывал свою историю, и все вместе они складывались в летопись жизни, полной битв и опасностей.

Но больше всего Велтена поразили татуировки. Они покрывали её тело причудливым узором, который раньше, под одеждой, был почти не виден. Синие изогнутые линии, переплетаясь между собой, тянулись от правого колена вверх, по бедру, раздваивались на боку, расходились — одна ветвь уходила на спину, другая через живот и грудь поднималась выше. Они соединялись на плече, переходили на руку и заканчивались у локтя, складываясь в единый, завораживающий рисунок. Татуировка казалась живой — в свете костра линии словно шевелились, дышали.

Велтен поймал себя на том, что задерживает дыхание. Брида перехватила его взгляд и чуть заметно улыбнулась — довольно, но без насмешки. Ей было приятно его внимание. Но вида она не подала, продолжая неторопливо одеваться, не думая о том, что за ней наблюдают. Натянула чистую рубаху, запахнула её, заправила в штаны. Обулась, поправила пояс с ножом. И только когда последняя деталь одежды встала на место, направилась к костру — туда, где сидел Белотур и замершие слушатели.

— Что, о своей стране рассказываешь? — спросила она, подходя.

Белотур кивнул, с любопытством глядя на неё. В его взгляде не было похоти, только интерес — к женщине-воину, к наёмнице, к той, кто не побоялась раздеться при всех и пройти через лагерь с гордо поднятой головой.

— Да, — ответил он, чуть подвинувшись на бревне. — Присаживайся, послушаешь.

Глава 3. Логово

Минуло два дня. Уотан покинул лагерь уже на следующий день — ему здесь больше было нечего делать. На прощание шаман остановился возле Велтена, пристально посмотрел ему в глаза и обронил всего одну фразу:

— Ты занимаешься не тем.

И ушёл, даже не обернувшись. Велтен долго смотрел ему вслед, но так и не понял, что значили эти слова.

К тому времени лесорубы закончили с бревном. Оно лежало на земле у кольев — очищенное от коры, выровненное, готовое к тому, чтобы стать идолом. Оставалось только дожидаться, когда его повезут в город.

Охотники, как обычно, ушли в лес с первыми лучами солнца. На этот раз прихватили телегу — на всякий случай, если попадётся крупная добыча. Вигберг разрешила, хоть и без особого желания.

Сама воительница-волчица тоже не сидела сложа руки. Собрав Белотура и Бриду, она отправилась прочёсывать окрестности — мало ли какие следы оставили разбойники. Перед выходом Вигберг строго взглянула на наёмницу:

— Очень тебя прошу: на этот раз не раздевайся.

Брида только усмехнулась в ответ.

В лагере остались лишь лесорубы да несколько караульных. Сигберт подошёл к бревну, окинул его довольным взглядом и процедил сквозь зубы:

— Что ж, с этим справились.

Велтен, сидевший неподалёку на чурбаке, поднял голову:

— Сигберт, когда в город повезём? Долго нам ещё тут торчать?

Голос его звучал ровно, но в глазах читалось раздражение — старший лесоруб умел выводить из себя одной лишь манерой разговаривать. Сигберт медленно повернулся к нему:

— Долго. — Он выдержал паузу и добавил: — А будешь задавать лишние вопросы — твою долю заберу.

Велтен промолчал, только сильнее сжал кулаки. Спорить с Сигбертом себе дороже. Но осадок остался.

Солнце уже клонилось к закату, когда из леса показались охотники. Телега, которую они утром увозили пустой, теперь была заполнена до отказа — груда пернатой дичи громоздилась поверх каких-то тюков, а в самом центре этого изобилия темнела аккуратная тушка косули.

Велтен, сидевший у костра, поднялся навстречу. Охотники гомонили, перебивая друг друга, и в этом шумном потоке то и дело звучало имя Герти. Кто-то хлопал девушку по плечу, кто-то восторженно размахивал руками, изображая, как всё произошло.

— Одной стрелой! — донеслось до Велтена. — Ты представляешь? Прямо в сердце!

— А она как развернётся, как прицелится — и готово!

— Я такого даже у бывалых охотников не видел!

Герти шла чуть поодаль, потупив взгляд, но на губах её играла едва заметная улыбка. Она явно гордилась собой, хотя виду старалась не подавать.

Вигберг, Брида и Белотур уже вернулись из своей вылазки и сидели у другого костра. Воительница-волчица, увидев приближающуюся телегу, поднялась и неторопливо подошла поближе. В глазах её светилась усмешка — но не злая, скорее одобрительная. Герти, заметив мать, отделилась от толпы охотников и направилась прямо к ней. Молча указала на тушу косули, вскинула подбородок. Во взгляде читалось: «Ну, что скажешь?» Вигберг окинула добычу оценивающим взглядом, потом перевела его на дочь.

— Что ж, — проговорила она спокойно, — сделаешь себе татуировку. Голову косули на руке. Заслужила.

Герти ничего не ответила, только улыбнулась — широко, довольно, совсем по-детски, хотя старалась выглядеть взрослой. Мать, качнув головой, отошла к своему костру.

Девушка постояла мгновение, а потом вдруг сорвалась с места и подбежала к Велтену. Остановилась напротив, запыхавшаяся, с горящими глазами.

— Завтра утром пойдём охотиться, — выпалила она и, не дожидаясь ответа, убежала к шалашам.

Велтен проводил её взглядом и невольно улыбнулся. Похоже, завтрашний день обещал быть интересным.

— —

Велтен выполз из шалаша. Утро встретило его неярким розоватым светом, пробивавшимся сквозь кроны сосен. Где-то неподалёку заливались лесные птицы, стрекотали, перекликались, создавая тот особый утренний гомон, от которого проснется кто угодно.

В лагере было тихо. Лишь воины, стоявшие в карауле, медленно обходили территорию, позёывая и поглядывая на небо — скоро смена. Остальные ещё спали, укрывшись плащами и шкурами.

Велтен поднялся, потянулся, хрустнув суставами. Собрал длинные волосы в хвост, перетянул короткой верёвкой, подхватил топор и, стараясь не шуметь, направился к шалашу, где ночевала Герти.

Девушка появилась почти сразу — словно ждала его. Вылезла наружу, прижимая к груди лук, и, увидев лесоруба, широко улыбнулась. Поднялась, отряхнула колени и жестом поманила за собой. Караульные проводили их взглядами. Кто-то усмехнулся, кто-то понимающе покачал головой, но окликать не стали — не их дело.

— Будем охотиться на глухаря, — тихо проговорила Герти, когда они углубились в лес. — Сейчас самое время. Они токуют по утрам, их хорошо слышно. — Она покосилась на Велтена. — Справишься?

— Научусь, — так же тихо ответил он.

Они двинулись крадущимся шагом, стараясь ступать бесшумно. Герти двигалась легко, словно тень, — ноги сами находили, куда встать, чтобы не хрустнула ветка, не зашуршала листва. Велтен пытался следом, то и дело наступая на то, на что не стоило, и ловил на себе насмешливые взгляды девушки.

Поиски затянулись. Лес словно вымер — ни птицы, ни зверя. Только где-то вдалеке постукивал дятел да шуршала в кронах белка. Велтен уже начал думать, что они зря встали ни свет ни заря, когда Герти внезапно замерла и вскинула руку. Лесоруб застыл, боясь дышать. Девушка медленно, одними глазами, указала куда-то в сторону. Велтен присмотрелся и наконец увидел: на толстой ветке старой сосны сидел глухарь. Крупный, тёмный, с распушенным хвостом. Он замер в утренней дрёме, повернув голову в противоположную от людей сторону. Герти осторожно, стараясь не делать лишних движений, вытащила из колчана стрелу. Необычную — без железного наконечника, просто остро заточенное древко с густым оперением. Протянула её Велтену вместе с луком.

— Идёшь к тому дереву, — шепнула она, едва шевеля губами, и указала на соседний ствол, откуда было удобно целиться. — И стреляешь оттуда. Передвигайся только когда он поёт. Если замолчит — замри. Иначе услышит и улетит.

Глухарь заточивал. Звук был странный — щёлкающий, переливчатый, он разносился далеко вокруг. Велтен сделал первый шаг. Потом второй. Старался ступать мягко, перенося вес на пятку, как учил отец когда-то давно. Глаз не отрывал от птицы, но аккуратно следил, куда ставить ногу.

Песня глухаря то затихала, то разгоралась с новой силой. Велтен успел пройти больше половины пути, когда птица вдруг замолкла. Он замер, едва не наступив на сухую ветку. Сердце заколотилось где-то в горле.

Глухарь встрепенулся, переступил с лапы на лапу, повёл головой, словно прислушиваясь. Ещё мгновение — и он развернётся, увидит человека, улетит... Но птица, оценив обстановку, снова затоковала. Велтен выдохнул и быстро, пока звук заглушал шаги, преодолел оставшееся расстояние до укрытия. Притаился за стволом, прижался спиной к шершавой коре. Выровнял дыхание. Глухарь пел совсем рядом — самец, увлечённый брачными играми, не замечал опасности.

Велтен осторожно высунулся из-за дерева, поднял лук. Натянул тетиву — и тут же лук задел ветку растущего рядом куста. Раздался тихий шорох. Глухарь замолк. Велтен замер, проклиная себя. Сейчас птица сорвётся, и всё насмарку. Герти сзади, наверное, уже закатывает глаза...

Но глухарь, покрутив головой и не заметив угрозы, снова завёл свою песню. Велтен выдохнул, прицелился тщательнее и отпустил тетиву. Стрела мелькнула в воздухе — и токование оборвалось на полуслове. Глухарь сорвался с ветки, но не полетел — рухнул вниз, цепляясь за сучья, ломая мелкие ветки, и глухо ударился о землю.

— —

Велтен и Герти возвращались в лагерь не спеша, переговариваясь вполголоса. Лесоруб нёс глухаря, то и дело поглядывая на свою спутницу. Девушка заметно повеселела — удачная охота придала ей уверенности.

— К нам недавно Радульф заглядывал, — вспомнил Велтен. — Бард из Клана Филина. Слышала его песни?

— Слышала, — кивнула Герти. — Говорят, новую сочинил. Я бы послушала, если ещё раз приедет. Думаю...

Она осеклась на полуслове и резко повернула голову, глядя куда-то за спину Велтена. Лицо её мгновенно изменилось — стало собранным, напряжённым. Не говоря ни слова, она выхватила из колчана стрелу, наложила на тетиву и выстрелила. Стрела пронеслась в пяди от виска Велтена. Он даже не успел испугаться — только рефлекторно пригнулся, когда мимо просвистело оперение. Обернулся.

В десятке шагов позади них стоял мужик с дубиной. Стрела Герти торчала у него из груди. Он пошатнулся, сделал шаг, другой — и рухнул лицом в мох. Но за ним из-за деревьев выступили другие. Четверо, пятеро, больше — Велтен сбился со счёту. Оборванные, кто с ножом, кто с топором, двое с копьями. Разбойники. Здесь, в двух шагах от лагеря.

— Бежим! — крикнула Герти, дёрнув его за рукав.

Они рванули прочь, слыша за спиной тяжёлый топот и гортанные крики. Ветки хлестали по лицу, корни норовили подставить подножку, но они бежали, не разбирая дороги, туда, где между стволами уже виднелись очертания лагеря.

Кто-то из разбойников настигал. Велтен слышал дыхание, чувствовал спиной расстояние. Понял: не оторвётся. Резко развернулся, одновременно замахиваясь топором. Удар пришёлся точно в шею. Разбойник, занёсший уже нож для удара, захрипел, выронил оружие и осел на землю, зажимая рану руками. Кровь хлестала между пальцев, заливая корни сосен. Остальные на мгновение замешкались. Этого хватило, чтобы Велтен развернулся и побежал дальше.

Герти уже выскочила на открытое пространство перед лагерем.

— Враги! — закричала она что было сил.

В лагере зашевелились. Воины хватали оружие, лесорубы выскакивали из шалашей. Вигберг, уже с мечом в руке, выбежала навстречу.

— Не стрелять! — скомандовала она, увидев Велтена.

Велтен влетел в лагерь, едва не споткнувшись о колья, и тут же развернулся к лесу. Топор в его руках был весь в крови. Разбойники высыпали на опушку. Их оказалось не меньше двух десятков — кто с дубинами, кто с ножами, но попадались и те, у кого имелись щиты и лёгкие кожаные доспехи. Несколько человек держали луки.

— В строй! — рявкнула Вигберг.

Воины сомкнули щиты. Охотники — среди них Брунс и подросевшая Гerti — приготовили стрелы.

— Бей!

Тетивы звякнули разом. Несколько разбойников упали как подкошенные. Остальные с воплями бросились в атаку.

Вражеские лучники ответили. Стрелы застучали по щитам, одна впиалась в бревно шалаша. Кто-то из лесорубов вскрикнул — стрела попала в ногу, он упал, отползая. Охотник, прятаясь за шалашом, выскочил и, рискуя жизнью, оттащил раненого в укрытие.

Велтен бил топором, не думая, не считая. Перед глазами мелькали лица, руки, оружие. Он рубил, отбрасывал, снова рубил. Кто-то справа упал от удара Белотура, кто-то слева захрипел, напоравшись на копьё Бриды. Над ухом свистели стрелы — это Брунс и Гerti работали с безопасного расстояния.

Сигберт сражался рядом с Велтеном — и, надо отдать ему должное, бился умело, сочетая удары топора и ножа.

Но всех переплюнула Вигберг. Она ворвалась в гущу врагов, словно сама смерть. Меч её пел, разрубая воздух и плоть. Разбойники падали один за другим, даже не успевая понять, что их убило. Кто-то сумел задеть её копьём — оставил кровавую борозду на боку, но Вигберг даже не заметила. Ответным ударом она снесла обидчику голову.

Оборонявшиеся понемногу теснили нападавших к лесу. Налётчики дрогнули. Кто-то побежал первым, за ним другие.

— За ними! — приказала Вигберг.

Воины рванули вперёд. Охотники били по убегающим из луков. Велтен, не помня себя от ярости, бросился за одним из разбойников, отделившись от строя. Тот, поняв, что не уйдёт, развернулся, выставив копьё. Велтен затормозил, перехватывая топор поудобнее. Разбойник ткнул копьём — Велтен отбил, шагнул вперёд. Противник отскочил, снова приготовился к удару.

Велтен обманул. Вместо атаки топором вдруг прыгнул вперёд и со всей силы врезал ногой разбойнику в грудь. Тот отшатнулся, потерял равновесие, и в следующее мгновение топор Велтена опустился ему на ключицу. Хруст, хрип — и разбойник осел на землю.

Велтен попытался выдернуть топор, но лезвие застряло между рёбер. Дёрнул раз, другой — бесполезно. И тут из-за дерева вышел ещё один. Бородатый, в куртке из бычьей шкуры, с огромным ножом в руке — клинок длиной в локоть. На лбу у него чернела вытатуированная руна Быка. Главарь.

Велтен отскочил, выхватывая нож. Главарь надвигался медленно, уверенный в победе. Велтен пятился, споткнулся о корень и упал на спину. Разбойник занёс оружие над ним, предвкушая лёгкую победу.

Левая рука Велтена нащупала камень. Тяжёлый, увесистый. Не думая, он швырнул его снизу вверх. Камень попал главарю точно в колено. Тот взвыл, выронил нож и рухнул наземь, схватившись за ушибленную ногу. Велтен вскочил, подбежал и со всей силы врезал ногой ему по голове. Главарь обмяк.

— Стой! — крикнул подросевший Белотур. — Живым берём! Помоги, — бросил он Велтену.

Вместе они перевернули разбойника, заломили руки за спину и стянули их верёвкой. Бой стихал. Те разбойники, что пытались бежать, были перебиты охотниками. Раненых, по приказу Вигберг, добивали — лишь одного оставили в живых.

Воины собирали трофейное оружие, перевязывали раненых. Убитых, к счастью, не оказалось — только трое лесорубов получили ранения, но не смертельные. Вигберг обходила строй, осматривая людей, когда увидела Велтена и Белотура, волокущих связанного главаря. Они потом передали его в руки воинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.